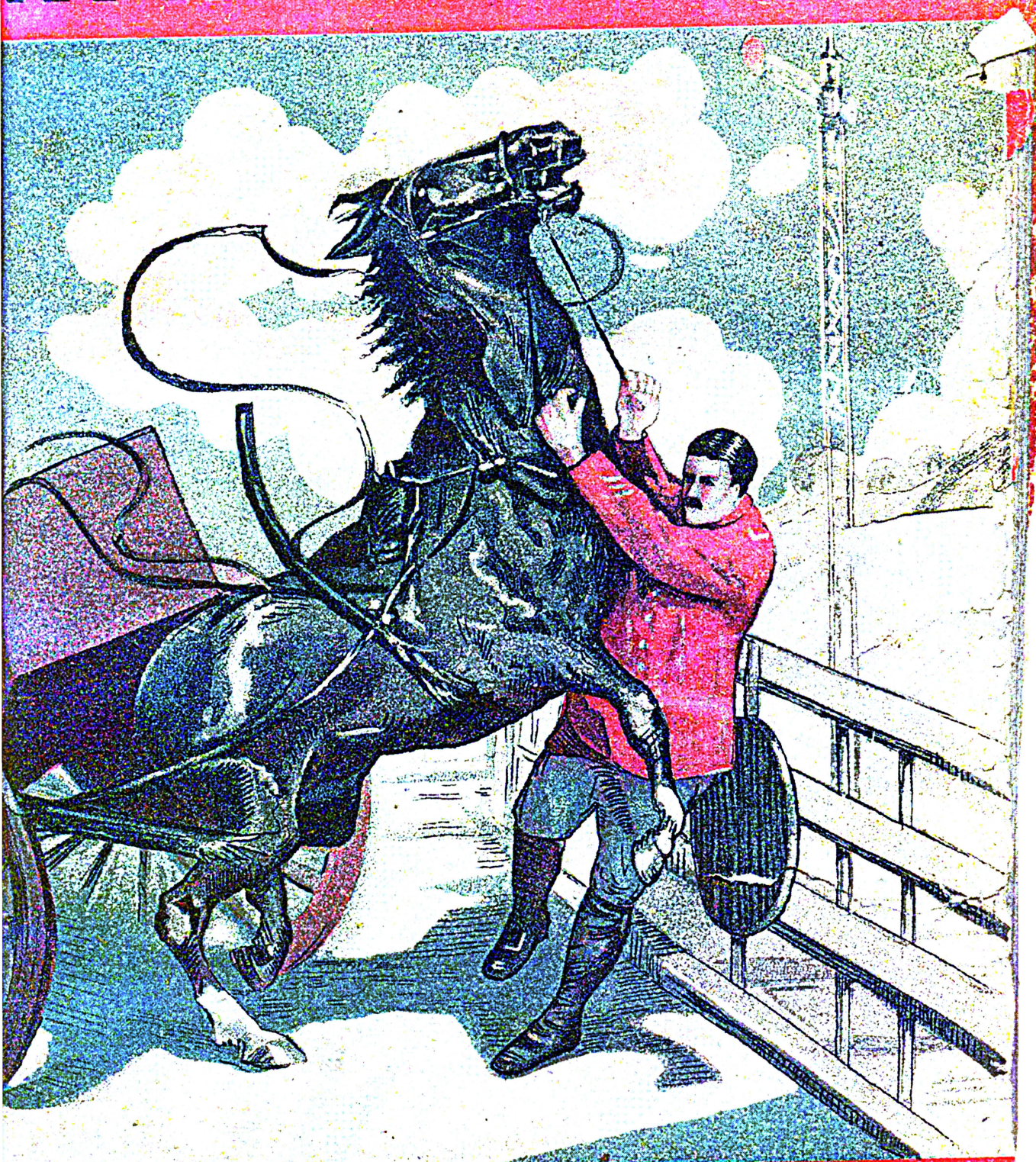

МИР

№4-1923

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА и И. Ф. АФАНАСЬЕВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№4-1923

КОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА и И. Ф. АФАНАСЬЕВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

1923 г.

Книга 4-я (II).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ.

Из жизни цирковых артистов.

Рассказ С. С. Зялицкого.

Среди больных, признанных безнадежными, но приехавшими заканчивать свои дни среди темнозеленых пальм лазурного берега, был один худой бледный старик, всегда сопровождаемый несбыкновенно красивой, но уже немолодой женщиной. Они ни с кем не знакомились и какая-то печаль незримо сопровождала их, но эта печаль не казалась порожденной ожиданием смерти. Я часто

наблюдал за несбщительнсь четсй. Хозяин гостиницы, в которой мы остановились, тоже ничего не знал о них, разве только, что они были мужем и женой и что муж должен был скоро умереть. Я был очень удивлен, увидав однажды супругов, сидящими в цирковсй лсже и с каким-то странным вниманием созерцающими все, происходящее на арене. Внимание их перешло в нескрывае-

мое волнение, когда появился известный во Франции канатный плясун Жюиль. Дама тяжело дышала, и веер дрожал в ее руке. Старик не спускал глаз с Жюиля и как-то судорожно сжимал ручку кресла. Случайно наши взоры встретились и он видимо понял, что я заметил его волнение, ибо он после часто взглядывал на меня.

На другой день он вышел на прогулку один. Сидя на каменной скамейке и читая «*Matin*», я невольно поглядывал на его стройную худую фигуру, медленно бродившую по пятнистой от солнца, как леопардовая шкура, аллее. Вдруг он прямо подошел ко мне и сел рядом, приподняв шляпу. Я ответил на его поклон и сложил газету.

— Вас удивило вчера мое поведение в цирке?—спросил он.

— Нет, то-есть я подумал, что на вас плохо действуют эти канатные трюки. Это очень нервирует!—ответил я.

— Не знаю, как других, но меня нервируют,—сказал он и вдруг, странно поглядев на меня, прибавил:—вас не удивляет, что я один сегодня?

Я молчал, не зная что ответить.

— Дело в том, что Джени (это моя жена) совсем расстроилась от вчерашнего зрелища. Бедняжка! Это понятно! Это так понятно. Из всех людей, которых я вижу тут, только вы возбудили во мне желание поговорить и познакомиться. Мне почему то кажется, что вы не так пошлы, как они все. Мне почему то кажется,—продолжал он,—что если бы вы знали мое прошлое, то сочли бы меня убийцей, а они бы все не сочли. Мне так хочется перед смертью открыть кому-нибудь, что я—убийца. Ужасно перед смертью ни разу не поговорить о том, что было самым страшным и самым важным в жизни. Ведь с Джени мы никогда не беседуем на эту тему. Никогда! Но важно, чтобы вы сочли меня убийцей, ибо нет ничего страшнее непризнанного греха. Нет ничего страшнее преступления, за которое не карают люди. Совесть тогда не знает удер-

жу и она карает. Ах, как карает! Врач сказал мне, что я скоро умру. И вот я хочу каяться. Но кому? Законник осудит совсем не то в моем грехе, что на самом деле самое страшное; он не признает меня убийцей. Мне почему то кажется, что вы признаете. Я совершил убийство в те дни, когда меня еще не называли в газетах «почтенным», «многоуважаемым» и «престарелым». Я убил Пэди Брэя, знаменитого бегуна по канату. Почему я не на каторге? Да потому, что я убил его не так, как убивают те, которые попадают на каторгу. И все таки убил. Ах, все таки убил бедного Пэди Брэя!

В те дни я любил ходить в цирк. Я любил гул и хохот толпы, запах конюшен и диких животных, рев львов в клетках, мускулистых женщин, затянутых в трико, и трагический плач скрипок. Увидав афишу, извещавшую о приезде в Париж знаменитого Пэди Брэя, я взял билет. Огромный купол цирка был подернут дымкой; высоко-высоко над ареной был протянут канат, простой безобидный канат, из тех, которые сотнями лежат на пристанях и молах. «Когда Пэди Брэй бежит по канату, сетки не держат внизу»,—сказал кто-то со мной рядом.—«И какая храбрая женщина, которая позволяет ему нести себя на руках». Я пропустил в афише, что Брэй носит женщину и это явилось приятной неожиданностью. Я любил храбрых мужчин, но я обожал храбрых женщин. На огромной высоте, в том месте, где привязан был один конец каната, появился розовый, весь в блестках, Пэди Брэй. Одновременно с другой стороны арены появилась женщина, тоже вся в розовом. Было слишком высоко, чтобы судить о красоте женщины, но мое сердце тревожно забилося; в изгибе ее розового стана уже было что-то волновавшее мою кровь. Пэди Брэй занес ногу над пустотой и потрогал туго ли натянут канат, оглядел цирк и крикнул: «хоп!» Сразу смолк оркестр. Воцарилась жуткая тишина, словно в ожидании чего-то таинственного.

Женщина простерла руки к Пэди Брэю, и глаза ее заблистали. Пэди Брэй устремил взор в эти сияющие глаза и странное, блаженное выражение изменило вдруг его лицо. Не спуская глаз с женщины, он побежал по канату. Добежав до противоположной стороны, он обнял гибкий розо-

Джени испустила потрясающий вопль.

вый стан, поднял женщину на воздух так, что ее прекрасные ноги легли ему на плечо, и медленно пошел обратно, все также глядя ей в глаза. Последний шаг. Грянул оркестр и Пэди Брэй победоносно замахал платком цирку, потрясаемому рукоплесканиями...

Я был юн, смел и любопытен. В этот же вечер Пэди Брэй сидел рядом со мною в кафе «Арена» и, улыбаясь, потягивал кофе.

— Как вам пришло в голову выбрать такую профессию,—спросил я.

— Я ее не выбирал! Она сама меня выбрала!

— Как!

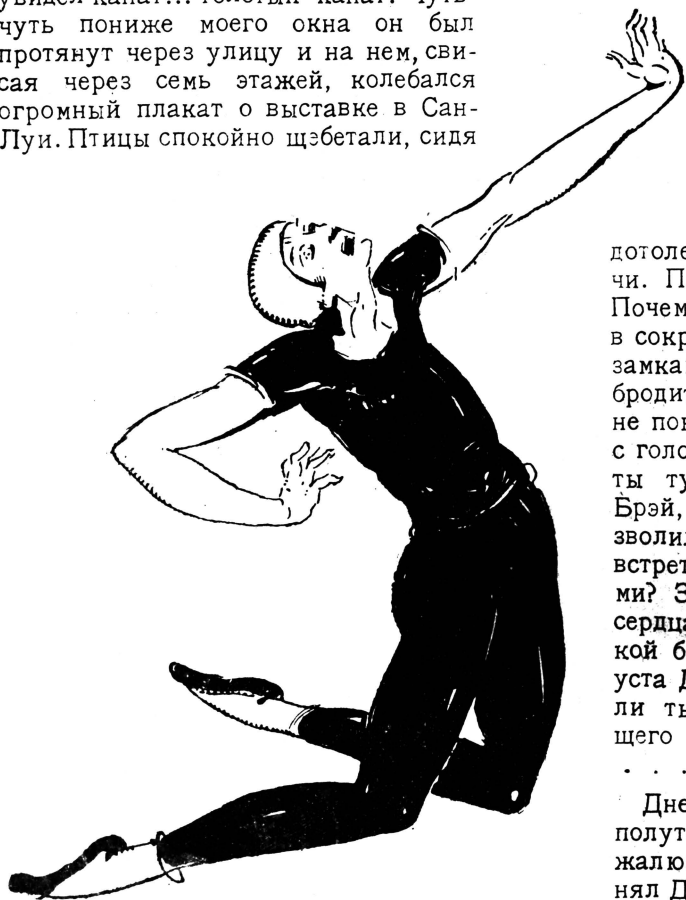
— Очень просто!

Брэй рассказал мне следующее:

Я жил в Нью-Йорке, на десятом этаже, в довольно узкой улице, а напротив меня, тоже на десятом этаже, жила Джени — та самая, которую вы сейчас видели... Мы познакомились через окна, мы виделись только через окна, хотя и она и я были уверены, что судьба начертала нам единый путь. Я полюбил Джени со всем пылом юной страсти и уже подумывал о том, как пойти и объяснить ей свои взгляды на любовь, жизнь и счастье, как вдруг однажды, рано утром, я услышал крики по ту сторону улицы. Я вскочил, как облитый холодной водой, подбежал к окну и увидел столб дыма над домом, где жила Джени и языки пламени в тех окнах, где жила Джени... Бедная девушка стояла у окна; она простирала ко мне руки, а дом гудел тем особенным гулом,

где слышится ворчание огня, грызущего добычу... Комната, в которой стояла она, была освещена багровым светом, и пламя с рычанием уже грызло пол. Еще миг — и на Джени вспыхнет рубашка и каштановые волосы, еще миг — и Джени будет кричать не от ужаса, а от боли... Улица была узка, но все же слишком широка, чтобы я мог вырвать у огня его добычу. Я взглянул вниз. Сквозь целую сеть проволоки в утрен-

нем тумане я различил людей, которые, как муравьи, копошились возле дома. Возгласы долетали до меня неразборчивым гулом. И вдруг я увидел канат... толстый канат. Чуть-чуть пониже моего окна он был протянут через улицу и на нем, свисая через семь этажей, колебался огромный плакат о выставке в Сан-Луи. Птицы спокойно щзбетали, сидя

Пэди Брэй сорвался с каната.

на канате. Я сел на подоконник, свесив ноги над улицей, и одной ногой коснулся каната. Я видел только глаза Джени, исполненные ужаса. Больше я ничего не помню. Я очнулся, когда Джени лежала без чувств на моей кровати, а я стоял у окна и безумно хохотал над бездной. Уже после мне рассказали о том, как я нес ее на руках по канату через улицу. Вы заметили, что когда я бегу по канату, я смотрю прямо перед собой только в глаза Джени. И я вижу только глаза Джени, любящие глаза Джени. Я ничего не думаю, ничего не чувствую в этот миг. Мне

кажется, что я иду по широкой аллее. Публика изумляется моей ловкости, а изумляться нужно только силе любви. Только силе любви, сэр!

Я пожал ему руку и обернулся. Сердце мое дрогнуло. Ослепительная красавица стояла предо мною, такая красавица, которая снится юношам, когда первая страсть начинает волновать доколе безмятежные часы ночи. Пэди Брэй, Пэди Брэй! Почему не запирали ты Джени в сокровенный ларец за семью замками! Зачем позволял ей бродить среди людей? Почему не показывал ее людям лишь с головокружительной высоты тусклого цирка? Пэди Брэй, Пэди Брэй! Зачем позволил ты взорам Джени встретиться с моими взорами? Зачем позволил нашим сердцам затрепетать от сладкой боли? Целуя в эту ночь уста Джени, не почувствовал ли ты, Пэди Брэй, леденящего дыхания смерти?

Днем, в номере гостиницы, полутемном от опущенных жалюзи, я в первый раз обнял Джени. Она не сразу вырвалась из моих рук, и эта ее медлительность была так чудесна! Пэди Брэй вошел, но он ничего не заметил.

Вечером был ужасный миг. По обыкновению, смолк оркестр, и, по обыкновению, побежал Пэди Брэй по канату. Я смотрел не на него. Я смотрел на Джени, устремлявшую вперед свой призывный взор. Мне показалось, что она вдруг страшно побледнела. В тот же миг заглушенный вопль пронесся по круглым рядам цирка. Пэди Брэй покачнувшись на середине каната. Но это был один миг. Он добежал до Джени, схватил ее в объятия и храбро перенес

через бездну. Музыка заиграла «Тустэп» и все успокоились.

.....

«Не приходи сегодня, ради бога не приходи». Она уже говорила мне «ты», ибо она уже была моей Джени. Моей с этого дня. «Не приходи!» Но разве я мог пропустить хотя бы мгновение, если я мог увидеть Джени?

Опять умолкла музыка, и опять Пэди Брэй побежал по канату, и опять я не видел его, ибо смотрел только на Джени. Странно было ее лицо! Непонятное беспокойство сквозило в нем и беспокойно глядели тысячи людей на тусклый купол. С бесконечной любовью смотрел я на Джени, и ревнивая мука, что не на меня устремлен ее пристальный взгляд, вдруг, как огонь, пробежала по моему телу. И, будто почувствовав этот огонь, на миг, на один только миг, на одну триллионную долю секунды, взглянула на меня Джени... Ужасный, потрясающий вопль потряс цирк. Ужасный потрясающий вопль испустила Джени. И только я молча

глядел на песок арены, посреди которой лежал разбившийся на смерть, неподвижно розовый, весь в блестках, Пэди Брэй!..

.....

Меня не судили за убийство Пэди Брэя, ибо не было такого закона у людей, который мог бы покарать меня. Но когда люди засыпают и книги их с написанными законами стираются ночью темнотой, ко мне является Пэди Брэй, указывает на меня кому-то и говорит: «вот мой убийца!» И Джени всегда просыпается в этот миг, и я чувствую, что она с ужасом глядит на меня во мраке».

Странный старик умолк. Бездонная лазурь моря неподвижно блистала между темнозелеными кипарисами. Он все сидел, пытливо и тревожно глядя на меня и, уловив, наконец, мой взгляд, печально покачал головой. Он должно-быть почувствовал, что я тоже не признал его убийцей Пэди Брэя...

СЫВОРОТКА БЕЗСМЕРТИЯ

Рассказ С. Зубова.

Это был странный, безумный вечер. Я сидел в рабочем кабинете профессора Уоттона и, как сквозь сон, слушал, что он мне говорил. Мысли мои метались, как осенние листья, гонимые ветром, а слова профессора вонзались в мой мозг, как раскаленные гвозди.

Он развивал мне свою теорию восстановления деятельности нервных клеток центральной системы после смерти организма. Он говорил:

— Я нашел! Но это было невероятно! Ведь если-бы это было так, то человечество получило бы на земле то, что оно так долго и напрасно искало. Человек при жизни получил-бы бессмертие. Слушайте, Джонатан! Почти на двадцать лет заключил я себя добровольно в свою лабораторию. Я искал, искал... Сколько было разочарований! Сколько раз, доведенный до отчаяния неудачами, я хотел бросить все дела, разрушить все, что строилось так долго! Но какой-нибудь незначительный факт, говоривший за меня, снова придавал мне и уверенность и

силы. И вот, сегодня, после двадцатилетних поисков, я нашел то, что искал! Опыты блестяще удаются! Да, молодой мой друг! Это открытие даст человечеству бессмертие! Поймите. Я уничтожил смерть! Мой аппарат и «сыворотка бессмертия» (так думаю я назвать полученное мною вещество) дают человеку вечную жизнь!—И глаза профессора Уоттона лихорадочно заблестели.

— Простите, профессор! — перебил я его.—Но все, что вы сказали, до того странно, до того ошеломляюще, что мой ум еще не может в достаточной мере примириться с этой мыслью! Ведь это... Но, профессор, твердо-ли вы уверены в том, что опыты удались действительно благодаря вашей сыворотке, а не благодаря неполному умерщвлению? Простите меня, но я должен задать вам такой вопрос! Ведь это так поразительно, так безумно странно и ново...

Профессор затянулся сигарой и, выпустив клуб дыма, окутавший его на мгновение, сказал:

— Я ждал этого вопроса и не удивляюсь ему. Нет, удача опытов зависела всецело от сыворотки и действия моего аппарата. Никакой не точности я допустить не мог, так как внимательно следил за всеми изменениями в организме. Сегодня я сделал девять опытов—и все удались превосходно! Три обезьяны, три попугая и три змеи были умерщвлены мною посредством приостановки деятельности дыхательного центра. Смерть была очевидна. И теперь все они живы и, повидимому, совершенно здоровы...

— Нет! Это невероятно!

— Но это — факт. Правда, мой аппарат еще слишком сложен и громоздок, но главное сделано—остальное все придет само собой. Упростить аппарат не так уж трудно, зная основной принцип... Вы подумайте! Скоро каждый будет иметь возможность приобрести себе такой аппарат—портативный, дешевый и вполне доступный для управления, благодаря несложному механизму!..

Перед глазами у меня мелькали какие-то круги, и слова профессора звучали будто из пропасти. Я сидел и смотрел на него бессмысленными глазами. А он быстро ходил по кабинету из угла в угол и на каждом повороте за ним оставался клуб дыма, долго не расплывавшегося в воздухе и висевшего, как серая разорванная ткань. Наконец, он круто повернулся на каблуках и остановился, глядя на меня в упор своими лихорадочно блестящими глазами. В седых, разметающихся кудрях, в клубах дыма—он казался мне каким-то существом нездешнего мира, явившимся к нам, чтобы дать бессмертие. Но, правду сказать, мурашки бегали у меня по спине и колени тягуче и тупо ныли. Он говорил:

— Факт остается фактом! Теория верна—опыты подтверждают это. Бессмертие найдено! Но... кто из людей даст проверить эту теорию на себе?..

— Д-да! — промычал я и почувствовал, как лоб мой покрывается холодным потом.

— Я думал представить свое изобретение правительству и взять разрешение на опыт над преступниками, приговоренными к смертной казни, но на это нужно потратить массу времени. Я не могу. Мне нужно произвести опыт сегодня, завтра—ну, после завтра. Никак не позже...

Почему-то я подумал в это время о Регине и сердце мое болезненно и остро сжалось. Подумал и о себе. Представил себе картину—как я лежу на операционном столе под инструментами Уоттона. Я порывисто встал. Пора было идти, так как Регина, наверное, ждала меня уже в одной из аллей парка.

— Так до завтра, мой юный друг! В два часа я жду вас у себя и, как обещал, продемонстрирую перед вами действие моей сыворотки бессмертия.

Я пробормотал что-то похожее на благодарность. Думаю, что вид у меня был тогда не особенно бодрый. Я быстро вышел из кабинета профессора и пустился, чуть не бегом, в сад, где ждала меня Регина—Регина Уоттон, дочь профессора Уоттона, моя невеста.

«Конечно, он сумасшедший, или завтра будет таким—что все равно», — думал я, спеша по дорожке парка.

Мысли вихрем неслись у меня в голове, одна мрачнее и ужаснее другой.

«Кто поручится мне, что этот фанатик, в припадке своего безумия, раздраженный неудачными поисками субъекта для своих чудовищных опытов—не принесет в жертву науки жизнь своей дочери?! Все возможно! Для человека ненормального нет невозможного! Но это-же химерично! Бессмертие!? Нет, ерунда! Самообман и неумышленная подтасовка! Ха, бессмертие! Ведь не идиот-же и я! И все что читал, и знаю, что воскресить умершую клетку нельзя! Да... Но завтра в два часа... А если он хочет заманить меня? Что-же, пусть лучше я, чем Регина. Я буду на стороже!»

Так думал я, идя по темневшим аллеям, пока мысли мои не рассея-

лись при виде светлого пятна, мелькнувшего вдали, на темном фоне зелени. Это, конечно, была она, Регина.

Она быстро шла мне навстречу и лицо ее выражало тревогу и любовь.

Волнение мое несколько утихло под лучами ее светлых глаз. Я так любил ее!

— Я думала, что ты не придешь сегодня, милый! Уже начала беспокоиться. Но что с тобой, Джон? Ты бледен и взволнован! Случилось что-нибудь? Говори-же скорей!

Регина доверчиво прижалась ко мне.

— Слушай, Регина! Я был сейчас у твоего отца. Он-то и задержал меня. Я до сих пор не могу опомниться, Регина. Ты меня прости, но я скажу тебе, что твой отец должен отдохнуть от своих лабораторных работ, иначе... иначе он захворает! Ты должна уговорить его, Регина. Его взгляд, да и вообще все его слова, дают мне право думать так. Это—серьезно, Регина...

— Милый, вот уже около четырех дней я не видела отца. Он совершенно уединился в свою лабораторию; даже кушать подавали ему туда, там же

он и спал. Но твои слова меня взволновали! Последнее время я почти не разговаривала с ним и только случайно узнала, что он изобретает какую-то сложную машину, какую-то сыворотку. Ведь он не слушает меня, Джон! Я стала как-то бояться его. В минуты редких встреч наших с ним какой-то страх входит в мою душу. Но ты рядом со мной, Джон. И ты не оставишь меня.

Регина доверчиво прижалась ко мне и голубые глаза ее тихо и радостно засветились. Я чувствовал избыток счастья, но вместе с тем и червь скрытой тревоги где-то, в глубине души, шевелился настойчиво и тихо. Мне все хотелось сказать что-то Регине, предупредить, предостеречь ее, но жаль было разрушать настроение. Тревога все же взяла верх.

— Слушай, Регина! Завтра ты будешь моей невестой перед целым светом, но, ради всего святого, будь осторожна, поговори с отцом. Уговори его бросить на время такую лихорадочную работу!

Регина обещала мне это и мы расстались до следующего вечера. Завтра я должен был сделать предложение Регине и получить согласие профессора Уоттона.

II.

Ночь провел я плохо. Долго не мог заснуть, а когда сон сковал мои веки—тяжелый кошмар душил меня до утра. Первым лучам дня я обрадовался, как якорю спасения.

Одевшись и выпив свой обычный утренний кофе, я пошел в кабинет и, инстинктивно чувствуя возможность опасности, привел в порядок все свои бумаги. Даже составил что-то в роде завещания. Написал письмо и Регине. За этим занятием прошло не

мало времени, когда мелодичный звон моих каминных часов заставил меня очнуться. Было половина второго. Времени оставалось ровно столько, сколько нужно, чтобы убрать бумаги, запереть кабинет и попасть в лабораторию Уоттона. Признаюсь, что самочувствие мое было не из очень приятных. Но я подавил свое волнение, позвал Чарльза, своего камердинера, и попросил нанять кэб, дав ему адрес Уоттона.

Через пять минут кэб был у моего подъезда. Чарльз, провожая меня, как обычно, пожелал мне удачного пути. Добрый старик не знал, что делалось у меня на душе...

Иногда мне казалось, что все мои страхи и предчувствия не больше, как взвинченность нервов, но вчерашняя беседа с профессором ярко вставала в памяти. Его безумно блестящие глаза и мой ночной кошмар—свинцом ложились на мою душу.

Пальцы мои холодели, когда я взялся за ручку двери, ведущей в кабинет профессора. Уоттон сидел в глубоком кресле, задумавшись и, повидимому, забыв обо мне, несмотря на то, что минуту назад слуга доложил ему о моем приходе. Я слегка кашлянул. Профессор поднял голову и, увидя меня, протянул мне руку.

Сегодня, при свете дня, он казался мне не таким страшным, как вчера. Только сейчас я мог разглядеть, что он сильно осунулся и как-то постарел с тех пор, как я его видел несколько дней назад.

— Здравствуйте, Джонатан,—сказал он мне, смотря на свои карманные часы.—Вы точны, как добрый янки! Ну что же, я думаю, что мы можем, не теряя времени, отправиться в лабораторию. Я уже все приготовил.

— Конечно, сэр, если вы свободны, то я с величайшим удовольствием пойду с вами туда. Но, профессор, признаться, наш вчерашний разговор совершенно выбил меня из колеи—я хожу точно во сне!

Профессор взял меня под руку, при чем прикосновение его руки отозвалось нервной дрожью в моем теле.

— Идемте, — сказал он мне; в его глазах я уловил мгновенно вспыхнувший огонек вчерашнего безумия.

«Сумасшедшие иногда бывают очень хитры и осторожны» — подумалось мне. Но я прогнал эти мысли, взял себя в руки и мы отправились.

Лаборатория находилась в самой отдаленной части парка. Это было здание, построенное из серого камня, со стеклянной крышей и с громадными окнами. Кругом лаборатории шла высокая каменная ограда, доходившая до верхних краев окон. За оградой был дворик со множеством пристроек и сарайчиков, где помещались животные, предназначенные для опытов. По ограде густо росли тополя и вязы, листвою своею совершенно скрывавшие лабораторию от любопытных взглядов.

Мы подошли к железной двери, вделанной в ограду, и профессор отпер ее ключом, висевшим у него на цепочке. Мы очутились на внутреннем двореке. Я с радостью заметил, что, затворив калитку, Уоттон не запер ее опять на ключ. Это было лишним шансом на спасение в случае опасности.

Окна лаборатории зловеще чернели и из-за закрытых дверок сарайчиков иногда доносились жалобный визг собак и крики обезьян, похожие на крики человека в смертельном испуге.

В продолжение всей дороги мы молчали. Он шел впереди, я немного отставал. Молчание угнетало меня. Несколько раз я пытался заговорить с ним о «сыворотке», но он или не слышал, или делал вид, что не слышит.

Мы поднялись на ступеньки крыльца и он вторым ключом открыл дверь, ведущую в лабораторию.

Я в ней еще никогда не бывал и теперь оглядывался с любопытством.

Это был довольно большой зал, со стеклянным потолком. В простенках окон стояли шкафы, наполненные банками с этикетками на латинском языке. По середине стоял стол, уставленный всевозможной химической посудой, довольно странных и причудливых форм. Стекланные трубочки

и шары, соединенные каучуком, как хитро сплетенное кружево, висели над столом на двух металлических стержнях. На столах, под окнами, стояли различные весы, какие-то приборы и приспособления, блестящие полированной медью, никелем и лаком. Пахло аптекой и еще чем-то неуловимым, приторным и щекоющим горло.

Уоттон прошел, не останавливаясь, в другую комнату, размерами меньше первой, но такую-же светлую.

— Это моя операционная,—сказал он мне.—Здесь мы сделаем с вами опыт.

Я молчал и исподлобья оглядывался по сторонам. Я не пропускал ни одного движения Уоттона и был в любую минуту готов оказать ему сопротивление.

В этой комнате, кроме операционного стола, шкафа с набором инструментов и небольшого столика на колесиках—ничего не было. В стене, противоположной окну, я заметил дверь, выкрашенную под цвет стен, и только по скважине и еле заметной щели можно было отличить ее.

— Подождите меня здесь,—сказал Уоттон и быстро направился к двери в стене. Я успел, однако, взглянуть в комнату, куда ушел профессор, и увидел и там массу колб, реторт, пробирных трубок и странных приборов.

Профессор не долго пробыл там. Вскоре мне послышался шум, будто передвигали что-то тяжелое на колесиках. И действительно, минуту спустя, в дверях показался профессор, который толкал впереди себя какой-то металлический ящик цилиндрической формы, поставленный на площадку с колесами. Ящик этот был, как мне показалось, не меньше человеческого роста.

Уоттон подкатил его к операционному столу и поставил сбоку.

— Прошу вас не трогать это,—сказал мне он и пошел опять в ту комнату.

Любопытство мое было напряжено до последней степени. Как мне

кажется теперь, я в то время даже перестал испытывать страх.

Профессор быстро вернулся, неся в руках что-то похожее на флягу, обшитую грубым сукном. Эту флягу он поставил на подвижной столик и подкатил его к другой стороне стола. Потом он вынес две табуретки и одну из них предложил мне.

— Сейчас я объясню вам устройство моего аппарата и сущность «сыворотки бессмертия». Конечно, в общих чертах, так-как объяснять подробно было-бы и длинно, да для вас и скучно. Ведь вам важен факт, что бессмертие в моих руках,—а как я его достиг, это дело второстепенное!

Мурашки опять забегали у меня по спине; когда Уоттон, отстегнув крючки, держащие дверцы цилиндра, стал раскрывать их. В глаза мне блеснула масса колесиков, шнуров, разных винтов, маятников и поршней. Машина была до того сложна, что непривычному человеку не представлялось возможности разобраться в ней, охватить умом все ее части. Профессор осторожно снял футляр с машины, и вся она заискрилась при свете дня.

— Смотрите сюда!—говорил профессор.—Вот в эти полые стеклянные цилиндры я наливаю определенное количество сыворотки и эти провода соединяю с током сильного напряжения. Здесь—вольтметр, благодаря которому можно регулировать силу тока. Вы видите эти провода? Их шесть и оканчиваются они длинными полыми иглами. Эти иглы вкалываются в руки, ноги, сердце и в продолговатый мозг. По ним идет не только ток, но и протекает сыворотка. Комбинированное действие сыворотки и тока дает жизнь умершей нервной клетке, а с нею и жизнь всему организму. Ранки от вкалывания игол незначительны и очень быстро заживают. А это вот—сама «сыворотка бессмертия»—вытяжка из нервных клеток головного мозга обезьян.

И профессор Уоттон вынул из футляра, похожего на флягу, хрустальный флакон, в котором золотистым

цветом блеснула прозрачная, маслянистая жидкость.

— Да! Вот она «сыворотка бессмертия»! Вот я держу ее в руках! Не буду сейчас объяснять вам ее состав и способ получения. Думаю, что скоро мои труды будут опубликованы во всех журналах, как строго научных, так и популярных, — вы тогда хорошо все узнаете. Теперь же — к делу! Обезьяна у меня приготовлена уже с утра. Я убил ее хлороформом, который, как известно, введенный в организм в больших дозах, парализует дыхательный центр животного. Сейчас я принесу ее.

Профессор опять вышел и скоро возвратился, неся на руках довольно большой экземпляр шимпанзе. Обезьяна, повидимому, была совершенно мертва. Голова и лапы ее безжизненно свешивались. Она была холодна и заподозрить обман со стороны Уоттона было невозможно. Он положил ее на стол и привязал ремнями, как это делают для оперирования. Взяв флакон с сывороткой, он налил ее в цилиндры машины, потом, быстро вколотив иглы в пятки, ладони, где-то около сердца и в шею мертвой обезьяны, соединил машину с проводом батареи.

Что-то странно зашипело, тихо затрещало, раздалось какое-то жужжание, похожее на жужжание в пчелином улье. Я смотрел во все глаза. Нервы мои были натянуты и сердце тяжело билось. Я и верил и не верил. Порой казалось, что все то, что здесь происходит — продолжение моего ночного кошмара.

Но голос профессора, объяснявшего фазы действия аппарата, возвращал меня к действительности. Среди тишины в операционной, нарушаемой только треском машины, слова профессора падали веско, четко, ясно...

— Сыворотка пошла по полым проводам! Доходит до тканей. Сейчас

входит в ткани. Ток сокращает мускулатуру!

И действительно, — все тело обезьяны конвульсивно вздрагивало. Уоттон то и дело щупал ей пульс и проверял дыхание.

У обезьяны шевелился каждый палец, каждый сустав; брови, веки и губы кривились в странные гримасы. Но обезьяна все-же была мертва!

— Пульс — 15... 16... 27...

— Что?! — воскликнул я.

— 39 — повторил Уоттон.

Поборов отвращение, я схватил лапу обезьяны. Мне показалось, что она

Уоттон положил обезьяну на операционный стол.

стала мягче и теплее. Волосы у меня на голове зашевелились и мороз побежал по коже.

— Она уже жива! — крикнул я и вскочил, инстинктивно вцепившись в плечо профессора. — Нет! Это галлюцинация! Это сон — и больше ничего! Но обезьяна дышала! Дышала!!

Она стала теплой и иногда моргала. Уоттон перевел ток на самую слабую цифру, но приток сыворотки оставил тот же.

Обезьяна уже не дергалась — она ровно дышала и смотрела на нас такими осмысленными глазами...

Не помню, сколько прошло времени. Для меня время остановилось! Но факт! Поразительный факт!

Профессор выключил машину и также быстро вынул иглы из тела обезья-

яны, а ранки заклеил ватой, смоченной коллодием.

— Она пролежит так несколько часов—ну, два-три, и потом будет совершенно здорова. Можно отвязать ее теперь и снести в клетку...

И он, действительно, отвязал ее от стола и вынес из операционной.

Только когда он возвратился, я мог более или менее внимательно разглядеть его самого. Вчерашнее безумие и восторженность были написаны у него на лице и в глазах.

Опять холодок прошел у меня по спине.

Он подошел ко мне и тихо спросил:

— Вы видели? Теперь вы верите? Но пока это—тайна. Об этом—никому! Пока опыт не будет сделан над человеком—никому ни звука! Скоро я сам широко опубликую это. О, я перевернул новую страницу книги Бытия! Двадцать лет прошли не даром! Еще последний опыт, еще немного терпения! Но идемте. Мне нужно кое-что записать.—И мы также молча, как и пришли, тем же путем вышли из лаборатории.

Я не зашел к Регине, надеясь увидеть ее вечером, уже получив согласие Уоттона. Мы условились встретиться с ней в той же аллее, в восемь часов.

Только теперь я понял, какое нервное напряжение пришлось мне выдержать. Я чувствовал странную усталость и разбитость. Голова слегка кружилась и болела. Я взглянул на часы; было около пяти. Следовательно, времени было достаточно, чтобы отдохнуть, пообедать в одном из ресторанов и привести свои мысли в порядок. Я так и сделал. Нечего и говорить, что голова моя была полна только что виденным. Но эти поразительные факты никак не хотели укладываться у меня в мозгу.

III.

Уже темнело, когда я кончил свой обед и собирался уйти из ресторана. План мой был таков: идти сейчас, или немного позже, к Уоттону, переговорить с ним о Регине и потом уви-

деть Регину, чтобы вместе с ней пойти к отцу.

Я не взял кэб, так как мне хотелось немного прогуляться. Вечер был теплый и тихий, а путь мне предстоял не очень длинный. По дороге я думал о Регине, о нашей жизни с ней и в душу ко мне понемногу возвращался мир.

Происшествия этих двух дней, как сквозь сон, вспоминались мне. Впереди же у меня были радость и счастье. Наконец, в этих приятных размышлениях, я достиг дома профессора.

Позвонив, я попросил слугу доложить о моем визите. Возвратившийся слуга сказал, что сэр Уоттон занимается в своей лаборатории, а лэди Уоттон неизвестно куда вышла.

Тогда я, по праву близкого знакомого, сказал, что пойду к профессору в лабораторию, так как у меня к нему есть крайне важное дело.

Я шел по дорожкам парка, по направлению к лаборатории, и с каждым шагом волнение мое возрастало. Предчувствие чего-то недоброго закрадывалось в душу.

Вскоре показалась и темная масса лаборатории. Только верхние края окон, не закрытые высотой оградой, ярко блестели, освещенные изнутри. Я замедлил шаги и перевел дыхание. Сердце билось и в ушах неприятно шумело. Я стоял уже на дорожке, ведущей к калитке ограды.

«А что если калитка заперта? Как я увижу Уоттона? Как поговорю с ним о Регине? Может быть, он опять скроется на несколько дней в этот каменный мешок и помолвку придется отложить!»

Так думал я, как вдруг какой-то белый предмет на дорожке приковал к себе мое внимание. Я быстро подошел, нагнулся и поднял его.

Сомнений быть не могло—это платок Регины, пахнущий ее духами! Сердце мое упало и перестало биться. Обрывки мыслей замелькали в голове.

«Регина там?! Что это значит? Зачем?» Наконец, одна безобразная мысль молнией прорезала мне мозги.

«Боже! Неужели же он...»

За оградой протяжно и жалбно завyla собака; ей ответила другая еще более ужасным воем.

Эти звуки ударили меня по нервам, как плетью. Я сорвался с места и бросился к калитке. Я в бешенстве толкнул ее ногой и, о радость!—она бесшумно открылась предо мной.

В первый момент мне показалось, что Регина еще жива, но когда я взглянул в ее лицо—у меня не осталось сомнения в том, что Регины больше нет!

Эта мысль, подобно развернувшейся с силой пружине, подбросила меня и я, плохо сознавая что делаю, по-

Кобра ужалила Уоттона в ногу.

Яркий свет из окон лаборатории в первое мгновение ослепил меня и заставил закрыть глаза. Но я скоро освоился и уже мог ясно различить все, что делается в зале.

Регина лежала на операционном столе и профессор стаял над ней, держа ее за пульс и внимательно следил за ним. Из рук, ног и шеи Регины выбегали алые струйки крови,—там, где были вколоты иглы. Склянка «сыворотки бессмертия» искрилась злым огнем рядом на столике. Я дрожал, как в лихорадке, зубы мои стучали и ноги отказывались псвинс-

бежал к двери лаборатории, сопровождаемый всем собак.

«Он сумасшедший, он безумный!» Вот мысли, которые колотились у меня в голове, как в пустом ящике. Добежав до двери, я навалился на нее всей тяжестью тела, думая, что она заперта. Но тело мое, не встретя сопротивления, вместе с раскрывшейся дверью, влетело в комнату. Я еле удержался на ногах. Раскрывшаяся с шумом дверь заставила зазвенеть все эти колбочки и реторты. Я ринулся в операционную. Не знаю, были ли у меня в этот момент какие

бы то ни было мысли в голове; я не сознавал, что я сделаю. Но как только я показался на пороге операционной, Уоттон встретил меня холодным, твердым взглядом, сразу отрезвившим меня.

Без сомнения, он слышал стук двери, слышал необычайный вой собак и знал, что кто-то вошел. Я замер на месте при виде Регины, безжизненное тело которой лежало на столе.

— Все идет великолепно!—сказал Уоттон бесстрастным голосом. Сыворотка уже начинает действовать...

Я впился глазами в лицо Регины и ждал. Прошел-ли час, прошла-ли ночь—не знаю. Мне казалось, что минуты бодрствования сменялись для меня минутами обмороков. Но каждый раз, когда сознание возвращалось ко мне, я видел бесстрастное лицо профессора и бледное лицо Регины.

Треск машины, казалось, увеличивал тишину операционной. Несколько раз Уоттон подливал в цилиндры сыворотку и то усиливал, то ослаблял ток.

Наконец, тело Регины начало конвульсивно вздрагивать и глаза профессора загорелись огнем. Все во мне дрожало. Казалось, что сердце не выдержит этого напряжения. Было страшно тихо...

— Пульс 3... 7... 15...

Эти слова, как музыка зазвучали в моих ушах. Кажется, я не надолго потерял сознание.

— Пульс 5, дыхание 11...

Щеки Регины покрылись слабым румянцем и грудь ее медленно поднималась. Мы наклонились над ней так, что наши головы касались одна другой.

— Она жива?—еле шевеля губами спросил я.

— Да,—жива...

Глаза Регины открылись и она вздохнула глубоко и спокойно.

Но тут произошла сцена, которую конечно никто из нас предвидеть не мог. Мы так углубились в наблюдение над пробуждением Регины, что забыли совершенно обо всем на свете.

Вдруг профессор дико вскрикнул и,

обернувшись назад, схватился за ногу выше колена. Я бросился к нему и оцепенел от ужаса.

Раздув свой капюшон и извиваясь на хвосте, громадная индийская кобра, шипя, металась из стороны в сторону. Я понял все. Она ужалила Уоттона в ногу...

Но рассуждать было некогда. Я схватил табуретку, размахнулся и ударил. Я разможил голову змеи с одного удара и она лежала теперь, извиваясь в предсмертных судорогах.

Профессор стоял бледный, с горящими глазами.

— Слушайте, Джонатан! Укус кобры смертелен. Смерть—через 5—6 минут. Не останавливайте аппарата, снимите Регину со стола и переколите иглы мне. Вылейте остаток сыворотки в цилиндры. Это моя просьба, Джонатан!

Говоря это, Уоттон бледнел все больше и больше; наконец, он упал замертво.

Падая, он задел своим телом аппарат. Раздался страшный грохот и звон—и у ног моих лежали лишь обломки того, что за минуту до этого так гармонично и стройно работало. Склянка с «сывороткой бессмертия» тоже оказалась разбитой...

Что мне было делать?! Я наклонился над Региной; иглы при падении аппарата вырвались из ее тела и она лежала на столе, слабая, измученная,—но живая. Конечно, первым делом было перенести ее в дом и позвать людей. Так я и сделал.

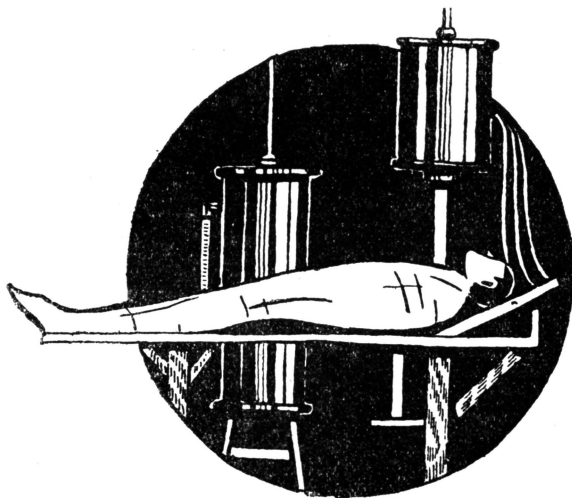
На следствии по делу о смерти профессора Уоттона я чистосердечно и прямо рассказал все, как было, все чему свидетелем мне пришлось быть. Документы и записки профессора не дали ничего. Там хотя и упоминалось о «сыворотке бессмертия» и нашлись чертежи аппарата, но ни соотношения частей, ни химических формул не оказалось. Так опять человечество потеряло бессмертие, которое оно уже держало в руках. Как выяснилось потом, кобра была та самая, над которой Уоттон только что проделал

свой опыт. Он, думая, что она еще не скоро окрепнет, не запер ящик, в которой поместил ее.

Остается сказать несколько слов о Регине, теперь совершенно здоровой, если не считать того горя, кото-

рое испытывает она от потери отца. Когда минет год со дня похорон—мы станем мужем и женой.

Вот и вся эта странная и такая трагическая по своему финалу история.

Рассказ фреда Уайта.

Лорд Райбэрн повертел в руке письмо, и легкая улыбка тронула его губы ровно настолько, насколько это было прилично для великого ученого.

— Это замечательная вещь, Хейтер,— сказал он своему главному ассистенту.— Это письмо, как вы думаете, от кого?.. От моего величайшего врага, научного, конечно,— Мигуэля дель Виантес. Он просит разрешения приехать поговорить со мною. Я имею все основания рассматривать этот акт с его стороны, как сдачу своих позиций, за которые он боролся со мною целых двадцать лет.

Георг Хейтер улыбнулся. Он прекрасно помнил все жесткие стычки между двумя учеными, обвинявшими друг друга в шарлатанстве; да и всякий, интересовавшийся наукой, не мог не знать смертельной вражды между лордом Райбэрном и известным испанским ученым. То обстоятельство, что им никогда не приходилось встречаться, и то, что они даже не знали друг друга в лицо, не имело большого значения: ведь их вражда началась на чисто научной почве и, в сущности, не имела никаких оснований перейти в личную неприязнь.

— Он хочет поговорить со мною,— продолжал великий ученый.— Он пишет, что отправляется в научное путешествие в Южную Америку, из которой он может и не возвратиться: ему предстоят большие трудности и опасности. И вот, он протягивает мне ветку мира. Так или иначе, но

я телеграфировал ему о своем согласии по указанному им адресу. Он ответил, что придет сегодня после обеда. Так как этот визит носит совершенно частный характер,— вы понимаете, что ему не хотелось бы, чтобы об этом знали и говорили,— позаботьтесь, чтобы он прошел незамеченным. Пусть оставит автомобиль у ограды в кустах, а самого его проведете ко мне через оранжерею. А потом оставьте нас вдвоем. Самое лучшее, если вы съездите на это время в город и вернетесь часам к пяти. Я надеюсь на вашу скромность, Хейтер.

— О, можете быть спокойны,— ответил Хейтер.— А он не пишет о причине этого визита?

— Ах, да, разве я вам не говорил. Он чрезвычайно заинтересован моими работами с низкой температурой. Он хочет взглянуть на бриллиант, с которым мы будем производить наши эксперименты.

Хейтер вышел, оставив ученого, ликовавшего в душе своей победе над соперником. Да, этот эксперимент должен увенчать всю его многолетнюю работу. А этот предстоящий визит врага, которого он никогда не видел, и который придет к нему за советом и с предложением мира (в этом он не сомневался) после двадцати лет ожесточенной травли его во всех научных журналах, радовал его.

То, что испанец сбавлял свой приезд некоторыми предосторожностями, не имело значения. Важно было только то, что он первый пошел на примирение.

С веселой улыбкой Райбэрн вышел из лаборатории и направился в свою оранжерею. Лаборатория и оранжерея примыкали друг к другу. Они составляли левое крыло ряда построек, в которых находились опытные мастерские ученого для производства работ, наполненные котлами и всевозможными аппаратами и водоемами для замораживания воды. Постройки были окружены прелестным садом, где цвели редкие экземпляры роз.

Лорд Райбэрн был очень богатый человек, глава старинного рода, но, помимо состояния, доставшегося ему от предков, которое должно было переходить и дальше по наследству, он имел и свое небольшое состояние, которое целиком почти тратил на оборудование лаборатории и опыты над низкой температурой. И эти деньги он завещал своему ассистенту, Георгу Хейтеру, для продолжения своих научных опытов.

Но не об этом он думал в настоящее время. Он бродил по оранжерее от цветка к цветку среди своей великолепной коллекции орхидей, которой он гордился чуть ли не меньше, чем своими научными изысканиями. У него была какая-то болезненная страсть к великолепным экзотическим цветам, и он мог проводить целые дни, самым нежным образом ухаживая за своими любимцами.

Как большая пчела, он заботливо заглядывал в середину чудных гроздей, не замечая, как бежит время. Вдруг открылась дальняя дверь оранжереи, и он услышал голоса и звук шагов двух людей. Вошел Хейтер в сопровождении высокого стройного человека с внешностью типичного испанца.

Гость приблизился к лорду Райбэрну и, улыбаясь из-под больших очков в золотой оправе, протянул руку:

— Могу ли я надеяться на честь, милорд...—начал он.

— О, конечно, конечно,—откликнулся польщенный лорд.—Это историческая встреча, синьор Виантес. Я с большим удовольствием вижу,

что вы пришли сюда с добрыми намерениями и с своей стороны готовы забыть все наши прошлые стычки и турниры в честь богини науки. Да, да, я думаю, вы можете итти, Хейтер... Я полагаю, что нам с синьором нужно переговорить о вещах, о которых лучше говорить вдвоем.

Хейтер многозначительно улыбнулся и вышел. Он понимал тактичность лорда.

А Райбэри с приветливой улыбкой, показывавшей, что он не только ученый, но и светский человек, обратился к испанцу:

— Добро пожаловать, синьор. Надеюсь, что вы не очень торопитесь.

— Я уезжаю завтра,—ответил испанец...

— Ах, да. Очень жаль. Но надеюсь, что вы сможете уделить нашей беседе час-другой... Как вам нравятся мои цветы? Или вы не любитель этих красавцев. А я чрезвычайно горжусь своими орхидеями и люблю их не меньше, чем свои котлы и перегонные кубы. Каждую свободную минуту я стараюсь проводить в их очаровательном обществе. У всякого человека есть свои слабости, синьор. И нет ни одного любителя этих благородных цветов, с которым я не состоял бы в переписке. Меня извещают о всех новинках и порою я радуюсь, как ребенок, новому еще, невиданному цветку.

— В самом деле, они очень красивы, ваши любимцы!—воскликнул Виантес с неподдельным энтузиазмом.—Собирать редкие цветы—прекрасное занятие, и, хотя я совершенный профан, но вполне понимаю вас. Но, увы, я бедный человек и не могу тратить деньги на эти дорогие игрушки. Ваша оранжерея прелестна, сэр, особенно—этот цветок.

— А, вы как раз нашли перл всей моей коллекции. У вас тонкий вкус, синьор. Эта орхидея из семейства *Gynandria Manandria*. Ее родина Южная Африка и, насколько мне известно, в Европе есть только один ее экземпляр, вот этот. Мне он нравится больше, чем epiphytes, признанные красивейшими орхидеями в мире.

А это *Cipripedium*, «Венерин башмачок». Если позволите...

Говоря это, лорд Райбэрн протянул руку к белой грозди, но вдруг поскользнулся и неловким движением обломил ветку редкого цветка, с которой свешивалась тяжелая гроздь цветов с чашечками, точно вызолоченными внутри. Лорд тревожно нагнулся за нею, как мать над постелью больного ребенка.

— Ах, как жаль!—воскликнул он и выражение внутренней боли исказило его черты. Какая неосторож-

Прекрасный камень засверкал в руках лорда Райбэрн.

ность! Лучший цветок... Моя маленькая святыня...

Он поднял гроздь чудесных цветов, трепетавших, как прекрасные экзотические бабочки и, скрыв невольный вздох, продел их в петлицу фрака своего гостя.

— Примите этот маленький знак уважения, как эмблему примирения между нами. Этим цветком в петлице может гордиться сам король.

Виантес поклонился и последовал за лордом в лабораторию.

— Прошу вас, садитесь,—сказал лорд,—в нашем распоряжении часа два,—нам не будут мешать. Я распорядился об этом, как вы просили в

своем письме. Никто не знает о вашем присутствии, кроме моего ассистента, но я его послал в город, и он вернется только к пяти часам. Таким образом, ваше посещение обставлено всей подобающей ему таинственностью. Но я уверен, что со временем эта встреча и примирение двух научных противников станет исторической.

— Я очень благодарен вам,—пробормотал Виантес.—Мой визит к вам говорит сам за себя. Я надеюсь, что вы его правильно истолковали.

— Прекрасно. Чем могу быть вам полезен?

Испанец минуту молчал, точно собираясь с мыслями.

— Я буду говорить совершенно откровенно, милорд,—сказал он.—Я явился сюда, чтобы взглянуть на тот знаменитый бриллиант, над которым вы намерены производить ваши эксперименты. Это не секрет, так как научные журналы писали о нем уже месяц назад. Насколько я понял, вы объявили, что уничтожите маленькую трещину в дивном, редком камне путем замораживания его. Вы хотите поместить его в среду, имеющую температуру ниже нуля на...

— Совершенно верно. Но я еще не приступил к опыту и не могу еще определенно ручаться за его результат. Но, во всяком случае, я имею все основания надеяться на удачный исход.

— Я слышал, что это очень ценный камень.

— Чрезвычайно ценный. Его оценивают в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Если опыт удастся, он будет стоить в три раза больше, если нет... он навсегда останется с трещиной.

— Но, по-моему, существует опасность для вашего камня: от сильного холода он может разлететься на тысячу осколков. Что тогда, милорд?

— Тогда я буду разорен—и только,—улыбнулся лорд Райбэрн.—Я, конечно, соберу нужную сумму, но, между нами говоря, это будет стоить всего моего лишнего состояния, предназначенного мною моему пре-

емнику, ассистенту, который после моей смерти должен продолжать начатое мной дело. Это разорит не меня, а его: он знает о моих намерениях и на-днях собирается жениться и переселиться сюда совершенно.

Лорд встал и, выдвинув ящик письменного стола, вынул из него бриллиант, завернутый в комочек ваты. Прекрасный камень засверкал на ладони лорда. Глаза гостя сузились под прикрытием больших очков и верхняя губа как-то хищно приподнялась, обнажив ряд прекрасных белых зубов.

— Чудная вещь, — пробормотал он.

— Королевская драгоценность. Его мне доверила одна фирма придворных ювелиров для опыта. Взгляните на его необыкновенную для бриллианта форму: видите, он двояковыпуклый и посреди идет тонкая трещина. Он похож на линзу телескопа. Алмаз, из которого его отгранили, был значительно больше, но имел дефект: посреди змеилась безобразная трещина. Пришлось разбить его пополам, отгранить половинки отдельно и только потом соединить их. Конечно, это отразилось на его стоимости, но только опытный эксперт может рассмотреть тонкую трещину, след спайки. И как вам известно, я намерен «выморозить», если так можно выразиться, эту трещинку. Я опущу камень в один из котлов, наполненный водой, и доведу температуру до двух тысяч градусов ниже ноля. И когда я постепенно оттаю камень, я уверен, что трещинка должна исчезнуть совершенно. Если у вас есть лишнее время, я смогу вам пока....

Он не окончил своей фразы. Испанец, с быстротой прыгающего ягуара, бросился на лорда, в воздухе сверкнул кинжал, и великий ученый упал на пол, пораженный страшным ударом...

Было около шести часов, когда Хейтер постучался в дверь лаборатории.

Не последовало никакого ответа. Он обошел дом, решив пройти в лабораторию через другую дверь, вы-

ходившую в помещение для опытов, где стояли огромные котлы и бассейны.

На дороге больше не было видно автомобиля, в котором приехал гость, и Хейтер почувствовал легкую тревогу...

Было уже почти темно и Хейтер чуть не попал в один из бассейнов для замораживания, отверстие которого зияло, не будучи прикрыто, как всегда, крышкой.

— Как это я забыл закрыть бассейн?! Но это не так существенно: он только сегодня начал замораживаться...

У самого входа в теплицу он заметил на полу три или четыре цветка безценной *Gynandria Manandria*... Хейтер поднял их и машинально вдел в свою петлицу.

— Как эти цветы могли попасть сюда? — удивился он. — Ведь лорд Райбэрн скорее даст отрезать себе руку, чем позволит сорвать одну веточку своего драгоценного растения...

Он толкнул дверь из теплицы в лабораторию и... увидел тело своего профессора, уже холодное. На губах мертвеца застыла улыбка.

Было очевидно, что произошло убийство. Надо было действовать хладнокровно и обдуманно, чтобы не потревожить ничего до прибытия полиции.

Вдруг его взгляд упал на выдвинутый ящик стола, в котором еще торчал ключ. Внезапно заподозрив неладное, он быстро вытащил весь ящик и стал искать тот кусочек ваты, в которой хранился бесценный бриллиант.

Бриллианта не было... Он немедленно поднял тревогу и позвонил в Скотленд-Ярд, а через полчаса уже рассказывал все, что знал по делу, прибывшему инспектору сыскной полиции.

— Итак, — говорил инспектор, — я хотел бы восстановить ход событий. Синьор Виантес приехал сюда по собственному желанию, чтобы встретиться с человеком, с которым он враждовал последние двадцать лет...

— Вы видели письмо,—коротко ответил Хейтер.

— Да, да. А скажите, что из себя представляет, по-вашему, этот испанец. Такой же сумасшедший, как все испанцы?

— Сумасшедший не украдет исторического бриллианта. Я не хочу учить вас, инспектор, но, по-моему, это выходит за пределы обычного сумасшествия. Он украл бриллиант и, вероятно, в то же время, торопясь, обломил ветку орхидеи, которую, как я вам уже говорил, я нашел у входа в оранжерею и вдел себе в петлицу. По моему, все чрезвычайно просто и ясно: Виантес убил лорда Райбэрн, взял бриллиант и уехал на автомобиле, который оставил на дороге. Мне кажется, что нам следует, не теряя ни минуты, отправиться в Лондон и без дальних разговоров переговорить с синьором Виантесом, если только он еще не удрал.

— Вы правы,—согласился инспектор Джонс.—Вы видели испанца и, я думаю, лучше будет поговорить с ученым в вашем присутствии.

Было уже поздно, когда инспектор Джонс и Хейтер были проведены к Виантесу, жившему в Блумсбери. Но, увидав Виантеса, Хейтер воскликнул:

— Я боюсь, что тут какая-то ошибка, инспектор. Если этот джентльмен синьор Виантес, то клянусь, что я никогда его не видел. Это не он приезжал к лорду Райбэрн.

— Я не знаю, что это все значит,—сказал маленький кругленький человек с серыми близорукими глазами,—но у меня только что был полисмен и спрашивал, кто я такой. Я Мигуэль дель Виантес и могу назвать добрый десяток свидетелей, который подтвердят, что я весь день провел в Лондоне и не выезжал никуда. Неужели вы могли предполагать, что я... я, Мигуэль дель Виантес, могу отправиться к лорду Райбэрн... Он умный человек, сэр, но сумасброд, проповедующий какие-то шарлатанские идеи.

— Мне кажется, что этого вопроса не следует касаться,—сухо отвечал

Хейтер.—В нем вы, сэр, являетесь стороной заинтересованной. Факт тот, что лорд Райбэрн убит и ограблен и если вы—синьор Виантес, то мы только зря теряем время, находясь здесь.

Прошел месяц. Дело об убийстве и ограблении лорда Райбэрн не подвинулись ни на шаг. Убийца, выдававший себя за Виантеса, не оставил никаких следов, кроме сломанной ветки орхидеи, но этого было мало для того, чтобы начать розыски.

Тяжелые дни проводил Хейтер. Несмотря на всю очевидность его непричастности к делу, полиция следила за ним, и так неумело, что он на каждом шагу наталкивался на таинственных соглядатаев. В самом деле, от него зависело многое: ведь только он один видел убийцу, только он знал его наружность.

На уплату за пропавшую драгоценность пошло все личное состояние лорда Райбэрн и сам Хейтер остался без средств к существованию. Однако, он упорно продолжал дело своего патрона в его лабораториях.

Немного осветило дело заявление Виантеса об исчезновении его ассистента, тоже испанца, который совершил у него крупную кражу и скрылся приблизительно в те дни, когда был убит Райбэрн. Предположение, что он, под именем Виантеса, приехал к лорду и похитил у него бриллиант, было вполне возможно. Но куда он скрылся? Продать такой бриллиант без огласки было невозможно. Полиция всех стран была предупреждена и, несомненно, задержала бы убийцу при первой попытке продать редкий бриллиант. Он мог, правда, отдать разбить камень на несколько частей, но, так или иначе, никаких следов камня найдено не было.

В одно ноябрьское утро Хейтер работал в лаборатории, когда открылась дверь и вошел один из механиков.

— Простите, что обеспокоил вас, сэр. Не пройдете ли вы к бассейну №3.

Он стоит замороженным уже месяц при 2000° градусов ниже нуля. Сегодня его надо вскрыть. Так распорядился покойный лорд. Можно ли вскрывать его, сэр?

бассейн в порядке. Но пойдете, вы сами увидите...

Они спустились в подвал, где был бассейн, с одной стороны которого была отодвинута подвижная стена.

К ужасу Хейтера, в середине ледяной глыбы находился замороженный человек.

— Ах, да, я и забыл о нем, — сказал Хейтер. — Снимите выдвижную стенку № 3. Я сейчас зайду посмотреть, готов ли состав.

Через час механик прибежал с перекошенным от ужаса лицом.

— Ради всего святого, пойдете со мною, сэр... Нет, нет, большой

Вода, налитая в бассейн вместимостью в десять тысяч галлонов, превратилась в сплошной кусок чистого прозрачного льда, освещенного слабым светом, падавшим сверху сквозь открытый люк в полу.

И в середине прозрачной глыбы Хейтер с ужасом заметил какой-то

посторонний предмет. Это был труп человека со смуглым лицом. Лицо его выражало бесконечный ужас, а руки были подняты кверху жестом безысходного отчаяния. Это был человек, приехавший к лорду под именем Виантеса. Убив лорда, он вышел обратно через лабораторию и провалился в открытый люк, где только что начавшая замерзать вода покрылась тонким слоем льда. Лед не выдержал тяжести его тела и человек провалился в котел.

Несомненно, что он умер не сразу, а постепенно захлебнулся и замерз. Но тело его прекрасно сохранилось. Даже остаток ветки орхидей с тремя цветками, вдетый в петлицу его фрака, выглядел как только что сорванный.

— Я так и думал, — сказал спешно вызванный инспектор Джонс. — Все теперь ясно. По всей вероятности, сам лорд дал ему эту ветку, а убегая этот человек не заметил, что она обломилась. Но теперь дело в том, чтобы найти пропавший бриллиант. Вне всяких сомнений, он приезжал не один, так как автомобиль исчез. Значит, у него был сообщник. Но не думаю, чтобы он успел передать ему камень. Зачем бы тогда он возвратился в лабораторию, где и провалился в люк?

Только к двенадцати часам следующего дня удалось оттаять бассейны и извлечь из него труп. На долю инспектора Джонса досталась не-

приятная обязанность обыскивать мертвого.

Ни в одном кармане мертвеца камня не оказалось.

— Как же так, — нахмурился инспектор. — Куда же делся камень? Не лопнул же он от низкой температуры. И то сказать, две тысячи градусов ниже нуля...

Хейтер задумчиво вынул орхидею из петлицы фрака мертвого.

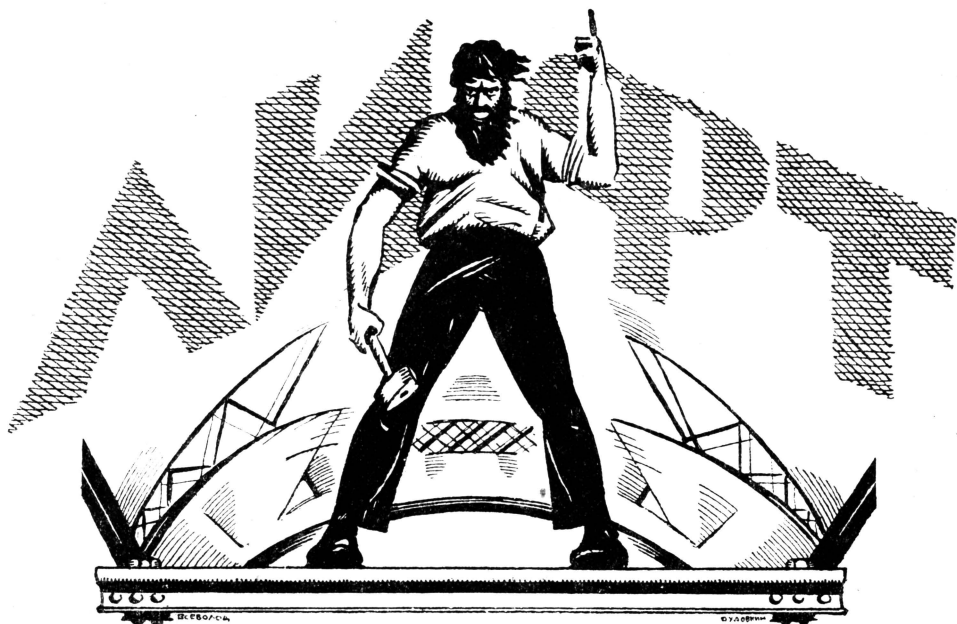
— Как прекрасно сохранился цветок, — сказал он. — Мы, правда, получали из Австралии цветы, замороженные в куске льда. Но все же они больше походили на искусственные... Эге, что это такое...

Он повернул цветок чашечкой вниз, опустил в него мизинец и через минуту у него на ладони лежал дивный бриллиант без малейших следов трещины.

— Вот он! — воскликнул инспектор. — Это он, вне всяких сомнений... Я очень рад за вас, мистер Хейтер, потому что, знаете... ну, вы были под большим подозрением. Но теперь, конечно... Остается только установить тот ли это человек, о котором сообщал Виантес. Впрочем, вам это едва ли интересно.

Он был прав. Хейтеру было совершенно неинтересно знать, кто был убийца. Он знал, что теперь с может продолжать любимое дело... и сделать предложение той милой блондинке, которая ему давно нравилась.

Новый рассказ Конан Дойля.

Летчик Стенгэт должен был считать себя счастливейшим человеком. Он перенес все тяготы войны, не получив ни одного ранения, и ореол славы окружал его имя. Ему только что исполнилось тридцать лет; перед ним открывалась блестящая карьера, и Мэри Мак-Лин, доверчиво опирающаяся на его руку, дала ему слово стать его женой. Может ли человек желать большего? И однако тоска до боли сжимала его сердце.

Стенгэт тщетно пытался выяснить причину своего странного состояния. Веселые толпы гуляющих бродили по аллеям парка, безоблачное небо раскинулось над ними, вдали синело море. Темные глаза девушки с беспокойством вглядывались в лицо Стенгэта. Почему ему не удастся заразиться общим весельем? Все его усилия скрыть свое настроение не обманули инстинкта любящей женщины.

— Что с тобой, Топ?—спросила она тревожно.—Ты чем-то расстроен. Скажи, не могу ли я помочь тебе? Он сконфуженно улыбнулся.

— Как глупо с моей стороны портить нашу прогулку!—сказал он.—

Я готов поколотить себя, когда думаю об этом! Не беспокойся, дорогая, сейчас все пройдет. Полагаю, что мои нервы дают о себе знать, хотя мне давно уже следовало забыть об их существовании. Служба летчика закаляет человека на всю жизнь...

— Значит, нет никакой причины?

— Ничего определенного, и это ухудшает дело. Когда человек знает причину своего состояния, он может легко побороть ее. Я чувствую себя подавленным, как будто чья-то рука сжимает мне сердце. Прости мне, дорогая! Я не хотел огорчать тебя.

— Но я хочу знать все, что тебя волнует!

— Все уже прошло бесследно. Не будем говорить об этом!

Она пристально взглянула на него.

— Нет, нет, Том! Ты все еще хмуришься. Скажи мне, у тебя часто бывает такое состояние? Ты выглядишь совсем больным. Сядем здесь, в тени, и поговорим.

Они уселись в тени, у подножья огромной решетчатой башни футов в шестьсот вышиной.

— У меня есть одно странное свойство,—начал Стенгэт.—Кажется, я никогда и никому не говорил о нем. Когда неминуемая опасность угрожает мне, я испытываю какое-то тяжелое предчувствие. Конечно, сейчас, в этой мирной обстановке, оно кажется мне нелепым, я не придаю ему ни малейшего значения, но должен сказать, что оно...впервые обмывает меня.

— С тобой случалось это и раньше?

— Когда я был еще мальчиком, меня охватило однажды тяжелое предчувствие. В тот день я чуть не утонул. Второй раз я испытал его, когда был грабеж в Мортон Холле; пуля задела мне грудь. На войне меня дважды охватывала безотчетная тоска перед тем, как я собирался лететь, и оба раза мне только чудом удалось избежать смертельной опасности. Предчувствие исчезает внезапно, как туман, рассеивающийся при свете солнца. Вот и сейчас я чувствую, что прихожу в себя. Взгляни на меня. Видишь—все прошло!

Она взглянула на его улыбающееся лицо. В одну минуту он превратился в веселого, жизнерадостного мальчика; молодость и счастье прогнали последнюю тень странного предчувствия.

— Слава богу!—воскликнул он:—Ты помогла мне преодолеть этот глупый кошмар. Я не мог видеть твоих печальных глаз. Я уничтожу в себе эту нелепую веру в предчувствия. А теперь, дорогая, пройдемся немного. У нас еще есть время до завтрака. Как много гуляющих сегодня! Хочешь, пойдем к морю и покатаемся на лодке? Или пойдем к качелям?

— А что ты думаешь о башне?—спросила она, поднимая голову:—Поднимемся наверх. Сегодня такой чудный день. Я уверена, что там все твои предчувствия окончательно рассеются.

Стенгэт взглянул на часы.

— Сейчас двенадцать. Я думаю, мы успеем проделать это в час. Но, кажется, машина не работает. Что-нибудь не в порядке, проводник?—

обратился он к человеку, стоящему у входа.

Тот отрицательно покачал головой и указал на группу людей, собравшуюся у башни.

— Все ожидают, сэр. Лифт работает, но нужно было проверить зубчатую передачу. Дело не затянется. С минуты на минуту я жду сигнала.

Стенгэт и Мери присоединились к остальным. Это была разношерстная компания, большей частью—жители северного округа, проводившие летние каникулы в Нортгэме. Вскоре показалась железная клетка лифта, и все перешли на деревянную платформу. Подняв голову, маленькая группа с живейшим интересом следила за каким-то человеком, спускавшимся по стальным брусам башни. Это был очень рискованный спуск, но человек двигался с такой легкостью и быстротой, как будто сходил по обыкновенной лестнице.

— Э... да это Джим работает сегодня!—сказал проводник, глядя вверх.

— Кто он?—спросил Стенгэт.

— Джим Барнес, сэр. Лучший рабочий, когда-либо подымавшийся на леса. Можно сказать, что он живет там, наверху. Знает каждый болт, каждую заклепку, как свои пять пальцев. Молодчина этот Джим!

— Только не спорьте с ним о религии,—отозвался кто-то из присутствующих.

Проводник засмеялся.

— А... так вы его знаете!—воскликнул он:—Да, лучше не спорьте с ним о религии.

— Почему?—спросил летчик.

— Он принимает дело слишком близко к сердцу. Он считается пророком в своей секте.

— Ничего нет удивительного,—подхватил один из мужчин:—я слышал, что во всем их стаде едва наберется шесть верных овец, а он—один из них. Он принадлежит к числу тех фанатиков, которые считают, что врата рая открыты только для членов их секты.

— Лучше не говорить об этом при нем, в особенности когда он держит в руках молоток,—поспешно шепнул проводник:—Здорово, Джим! Как дела?

Высокий сухошавый человек спустился с последних перекладин и остановился на поперечной балке, балансируя, чтобы сохранить равновесие, и поглядывая на маленькую группу, собравшуюся в лифте. Он представлял живописную фигуру в своей кожаной куртке, с клещами и прочими инструментами, болтающимися за поясом. Развитые мускулы свидетельствовали о его гигантской силе. Его лицо невольно приковывало к себе взгляд. Черные волосы, мрачные, темные глаза и ястребеный нос придавали ему зловещее выражение. Борода кольцами спускалась ему на грудь. Он стоял, придерживаясь одной рукой за балку, а другой сжимая стальной молоток.

— Все готово наверху,—сказал он.—Я поднимусь с вами, если можно.—И с этими словами он прыгнул с своей жерди на платформу лифта.

— Вы всегда следите здесь за порядком?—спросил кто-то из женщин.

— Для этого меня и наняли, мисс. С утра до ночи, а иногда и ночи напролет, я провожу наверху башни. Временами мне кажется, что я уже не человек, я похожу на птиц, кружащихся над моей головой. Я ложусь на перекладину, а они окликают меня до тех пор, пока я сам не начну отвечать этим бедным бездушным тварям.

— Тяжелая работа,—заметил летчик, любясь ажурным абрисом башни, вырисовывающейся на фоне тем-синего неба.

— Каждый винт, каждая гайка поручены мне, сэр. Молот направляет их, а ключ пригоняет теснее. Господь бог царит над миром, а я—владыка этой башни; в моих руках нити жизни и смерти...

Заработала машина, и лифт стал медленно подниматься. Чудесная панорама раскинулась перед глазами пассажиров. Очарованные грандиоз-

ной картиной, они даже не сразу заметили, что платформа внезапно остановилась между этажами, на высоте пятисот футов от земли. Барнес, рабочий, пробормотал сквозь зубы:—«Видно, что-то неладно...»—и, как кошка, перепрыгнул через провал, отделявший их от стальных перекладин башни. Перебираясь с балки на балку, он вскоре исчез из виду.

При столь необычайной обстановке маленькая разношерстная группа, подвешенная в воздухе, потеряла свою обычную, свойственную англичанам сдержанность, и стала обмениваться замечаниями. Одна парочка, называвшая друг друга Долли и Билли, объявила всей компании, что они—артисты, выступающие на открытой сцене. Толстая мамаша со своим скороспелым сыном и две парочки, приехавшие на каникулы, составили снисходительную аудиторию, дружным смехом встречавшую остроты артистов.

— Вы хотите стать моряком, молодой человек?—сказал Билли в ответ на какое-то замечание мальчика:—В таком случае, голубчик, советую вам быть осторожнее. Смотрите, он стоит у самого края! Мои нервы не выдержать этого зрелища в такой ранний час.

— А какое отношение имеет время?—спросил толстый коммерсант.

— Мои нервы никуда не годятся до полудня. Когда я смотрю вниз и люди кажутся мне крохотными точками, дрожь пробегает у меня по спине. Это наследственность. Вся моя семья робеет по утрам...

— Я думаю,—заметила Долли, цветущая молодая женщина, — это происходит от того, что все они слишком веселятся по вечерам...

Последовал дружный взрыв смеха.

— На этот раз ты ошибаешься,—заявил он:—И прошу не смеяться над моей семьей, в противном случае я буду вынужден оставить эту комнату...

— Полагаю, что нам всем пора это сделать,—заявил коммерсант, полнокровный джентльмен холерического

темперамента.—Какое безобразие, что они задерживают нас! Я буду жаловаться администрации...

— Где звонок? Я хочу позвонить,—сказал Билли.

— Зачем? Хочешь позвать слугу?—спросила его жена.

— Слугу, проводника, шофера! То-го, кто управляет этой старой машиной.—Что случилось? Нефть вышла или двигатель сломался?

— Во всяком случае, мы можем любоваться прекрасным видом,—заметил летчик.

— Я уже налюбовался,—ответил Билли.—Я покончил с этим делом и хочу спуститься.

— Я начинаю беспокоиться!—вскликнула полная мамаша.—Надеюсь, машина не испортилась?

— Долли, придержи меня за пальто. Я наклонюсь и загляну вниз. О, боже, у меня закружилась голова! Какой ужас! Там внизу стоит лошадь, а она кажется мне не больше мышенка. И никто не думает о нас! Куда провалился старый пророк Исаия, который поднимался с нами?

— Он счел более благоразумным ускользнуть, как только платформа остановилась.

— Послушайте,—сказала Долли, начиная волноваться:—Как вам это нравится? Я не знаю, что и думать. Мы повисли на высоте пятисот футов и можем просидеть здесь целый день. А я должна выступать днем. Администрацию ждут крупные неприятности, если меня не спустят во-время. Все билеты распроданы из-за моей новой песенки!

— Что это за песня, Долли?

— Замечательная вещь! Я пою ее в великолепной шляпе в четыре фута длиной.

— А ну-ка, Долли, устрой репетицию, пока мы ждем.

— Нет, нет! С нами молодая дама! Ей может не понравиться.

— Я с радостью буду слушать!—воскликнула Мэри Мак-Лин.—Пожалуйста, не отказывайтесь из-за меня!

— Слова относятся к шляпе, и я не могу ее спеть без шляпы. Но там есть хорошенький припев, который подхватывает хор.

И она запела звонким голосом мелодичный припев.

— Попробуем все вместе!—воскликнула она, и странная компания дружно присоединилась к ней, распевая припев во всю глотку.

— Думаю, что мы можем разбудить мертвого,—сказал Билли:—Знаете что? Крикнем все сразу!

Совет был принят, но снизу никакого ответа не последовало. Повидимому, внизу не подозревали о случившемся или были не в силах помочь им.

Пассажиры начали серьезно беспокоиться. Коммерсант весь побагровел. Билли все еще пытался острить, но на его шутки отвечали только кислыми улыбками. Летчик сразу занял центральное место в этой группе встревоженных людей. Все взоры с надеждой устремились на него.

— Что вы посоветуете нам, сэр? Как вы думаете, нам не грозит опасность оборваться?

— Никакой опасности нет. Но было бы нелепо сидеть здесь без конца. Я хочу перепрыгнуть через пролет на эту перекладину. Может быть, я увижу, что там случилось.

— Нет, нет, Том! Ради бога, не бросай нас!

— Нервы не выдержат, под нами пропасть,—сказал Билли.

— Думаю, этому джентльмену приходилось проделывать на войне и более опасные вещи.

— Возможно,—отозвался Билли.—Но я бы ни за что на свете не проделывал таких прыжков. Предоставим это дело старому Исае.

Три стороны лифта были отгорожены деревянными переборками, с несколькими окнами. Четвертая сторона, обращенная к морю, оставалась открытой. Стенгэт высунулс над краем платформы и заглянул вверх. В эту минуту сверху донесся резкий металлический звук, как будто кто-то

с силой ударил по толстой струне. Стенгэт увидел над собой, на расстоянии ста футов, темную мускулистую руку, протянутую к проволочному канату. Фигуры не было видно, но его внимание приковала эта голая жилистая рука, работавшая над канатом, и что-то дергавшая.

— Все в порядке, — сказал Стенгэт, и вздох облегчения вырвался из груди всех: — Кто-то работает там, наверху.

— Это старый Исаия, — сказал Билли, высовывая голову. — Я узнал его руку. Что он держит? Похоже на отмычку или что-то в этом роде. Нет! Это пила.

Снова донесся металлический звук сверху. Летчик нахмурился.

— Тот же самый звук я слышал в Диксмуде, когда разорвался наш стальной канат. Что делает там этот человек? Эй, вы! Что случилось?

Барнес начал медленно спускаться по железной решетке.

— Он возвращается, — сказал Стенгэт своим встревоженным спутникам. — Все в порядке, Мэри. Успокойтесь, господа! Было бы нелепо предполагать, что он действительно хочет ослабить канат, удерживающий нас.

Показалась пара высоких сапог, кожаные брюки, затем пояс с болтающимися инструментами, мускулистые руки и, наконец, смуглое орлиное лицо рабочего. Он сбросил свою куртку, и растегнутая рубашка открывала голую, волосатую грудь. Металлический треск послышался снова. Барнес спускался не спеша и, наконец, остановился на поперечной перекладине, прислонившись спиной к балке. Он стоял, скрестив руки, и мрачно глядя из-под черных нависших бровей на сбившихся в кучку пассажиров на платформе.

— Эй, вы! — крикнул Стенгэт: — В чем дело?

Молчаливый, бесстрастный Барнес не спускал с них пристального, жуткого взгляда.

Летчик начал раздражаться.

— Вы оглохли? — крикнул он: — Долго вы еще думаете держать нас здесь?

— Я буду жаловаться на вас, — дрожащим голосом заговорил Билли. — Я не оставлю этого дела.

— Послушайте, — перебил летчик. — Разве вы не видите, что с нами да-

— Слушайте, вы! — крикнул безумец, — настал день, когда смиренные восторжествуют.

мы? Вы пугаете их... Почему мы застряли здесь? Машина испортилась?

— Вы остановились здесь, — сказал Барнес, — потому что я вбил клин в канат над вашей головой.

— Вы испортили канат! Как вы смели это сделать! Какое право вы имеете пугать женщин? Выньте клин немедленно, иначе вам будет худо!

Человек молчал.

— Вы слышите, что я сказал? Почему вы не отвечаете? Вы хотели подшутить над нами? Прекратите эту глупую шутку!

Мэри Мак-Лин в ужасе схватила руку своего жениха.

— О, Том!—воскликнула она— Ты видишь его глаза? Этот человек помешан!

Смуглое лицо рабочего исказилось дьявольской ненавистью. Темные глаза его загорелись, как угли.

— Слушайте, вы!—крикнул он, потрясая рукой в воздухе:— царствие божие открыто для безумцев. Господь примет помазанников своих. Я призван прославить имя божие. Настал день, когда смиренные восторжествуют, а злые погибнут во грехах своих!

— Мама, мама!—крикнул испуганный мальчик.

— Ничего, ничего! Успокойся, Джэк!—сказала мать, прижимая к себе ребенка:—Как вы смеете пугать детей!—в бешенстве накинулась она на помешенного:—Нечего сказать—благочестивый человек!

— Пусть лучше он плачет теперь, чем в вечном мраке. Дайте ему спасти свою душу, пока есть еще время!

Наметанным глазом летчик измерил пролет, отделяющий платформу от перекладины. Расстояние было в добрых восемь футов, и безумец мог столкнуть его, прежде чем он твердо станет на балке. Попытка казалась ему безнадежной. Он снова попробовал успокоить безумного.

— Послушайте, мой друг, ваша шутка зашла слишком далеко. Зачем причинять нам вред? Поднимитесь скорей наверх, выньте клин, и мы готовы забыть об этом.

Снова раздался треск.

— Канат поддается! — крикнул Стенгэт.—Я поднимусь и посмотрю сам. Отойдите в сторону!

Барнес выхватил из-за пояса молоток и размахнулся.

— Назад, молодой человек! Ни с места, если не хотите ускорить свой конец!

— Том! Том! Ради бога, не прыгай! На помощь! На помощь!

Все подхватили этот крик. Барнес злорадно улыбнулся.

— Никто не придет на помощь! Они не могут притти, если бы даже и захотели. Подумайте лучше о спасении своей души, если не хотите попасть в преисподнюю. Канат, удерживающий вас, ослабевает с каждой минутой. Когда лопнет один канат, вся тяжесть перейдет на другой. Еще пять минут,—и вечность откроется перед вами...

Вопль ужаса вырвался из груди пленников. Стенгэт почувствовал, что лоб его покрывается холодным потом. Он обнял дрожащую девушку. Если бы удалось хоть на минуту задобрить этого мстительного дьявола, он перепрыгнул бы к нему и схватился с ним один на один.

— Послушайте, мой друг!—крикнул он:—Мы сдаемся! Мы в вашей власти. Ступайте и перережьте канат. Кончайте скорей с этим делом.

— Чтобы вы могли благополучно перебраться на перекладину? Начав свое дело, я не отступлю от него.

Бешенство охватило молодого человека.

— Проклятый!—крикнул он:—Как вы смеете издеваться над нами! Я проучу вас.

Барнес размахнулся своим молотком.

— Идите! Идите на суд!—заревел он.

— Он убьет тебя, Том! Ради бога, не ходи! Если нам суждено умереть, умрем вместе.

— Опасная попытка, сэр,—воскликнул Билли:—Он ударит вас, прежде чем вы успеете поставить ногу. Крепись, Долли, дорогая моя! Обмороки нам не помогут. Поговорите с ним, мисс. Может быть, он послушает вас.

— Почему вы хотите убить нас?—начала Мэри:—Что мы вам сделали? Вы пожалеете после... Сжальтесь над нами и помогите нам спуститься на землю.

Жесткие глаза безумного на минуту как-будто смягчились, когда он взглянул на нежное личико девушки, обращенное к нему. Затем его брови снова сдвинулись.

— Мое дело начато, женщина. Слу-ге не подобает отказываться от своей работы.

— Но почему вы думаете, что это ваша работа?

— Голос внутри меня повелел мне. Я слышу его ночью и днем, когда лежу один на пере-кладинах башни. Нечестивые люди бродят по улицам, внизу, подо мною, и каждый занят своими злыми замыслами. «Джон Барнес,—сказал мне голос: ты должен показать великое знамение грешному человечеству. Пусть знают все, что есть бог и суд над грешниками». Кто я такой, чтобы ослушаться гласа божия?

— Голоса дьявола,—сказал Стенгэт.—Какой грех совершила эта женщина и все остальные?

— Все вы, грешники, не хуже и не лучше других. Каждый день проходят они передо мною со своими безумными криками, песнями и пустой болтовней. Все мысли их обращены на плотские наслаждения. Слишком долго стоял я в стороне и наблюдал. День возмездия настал, и жертва готова. Не думайте, что слова женщины могут отвлечь меня от моего долга.

— Все бесполезно!—с отчаянием воскликнула Мэри:—Я вижу смерть в его глазах.

Лопнул второй канат.

— Покайтесь! Покайтесь!—кричал безумный.—Еще один, и все будет кончено!

Безумный плясал, потрясая в воздухе молотком.

крикнул он, бросаясь к деревянной стенке лифта и ударяя ее изо всей силы:—Сюда, мужчины! Разбивайте стену! Это только деревянная перегородка.

Налягте все сразу! Так. Она шатается. Отлично! Теперь эту сторону! Готово...

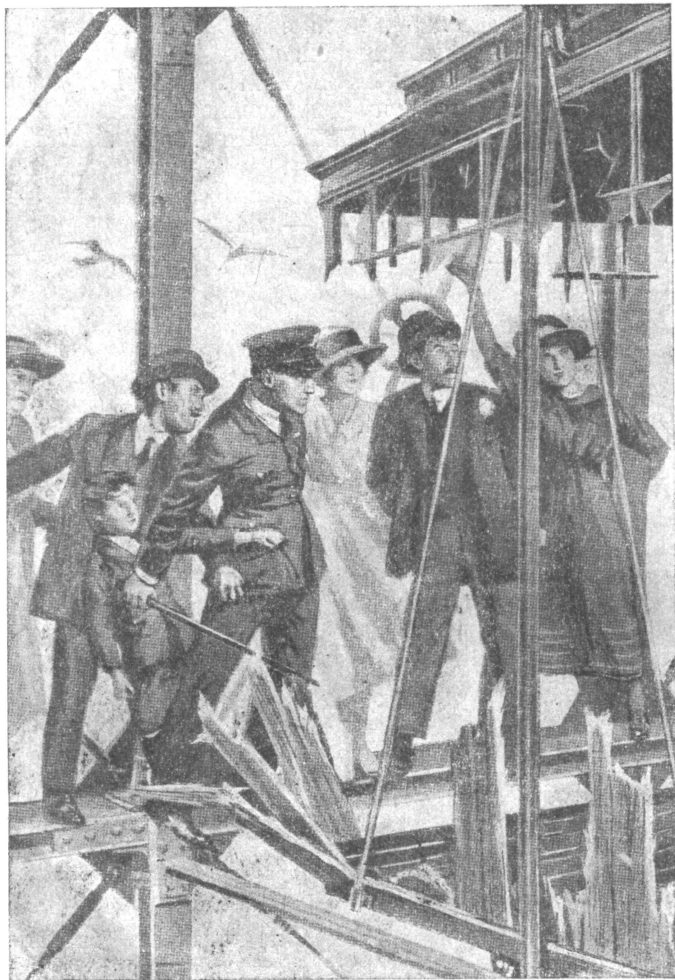
Задняя и боковая перегородки лифта были разбиты, и обломки полетели в провал. Барнес плясал на своей перекладине, потрясая в воздухе молотком.

— Оставьте все попытки!—кричал он:—Ничто не поможет вам. Час возмездия настал!

Летчику Стенгэту казалось, что ему снится какой-то необычайный сон. Он тщетно пытался стряхнуть с себя чудовищный кошмар. Какая нелепость! Он счастливо избежал смертельной опасности на войне, и вдруг теперь, в мирной Англии, попал в руки кровожадного фанатика. Неужели он не может спасти от этого ужасного человека любимую девушку, от которой хотел бы отклонить малейшую тень опасности? Все существо его возмутилось.

— Мы не дадим убить себя как овец на бойне,—

— До боковой перекладины не больше двух футов,—сказал летчик. Переходите все! Живей! Живей! Я задержу этого дьявола.

Летчик выхватил палку у соседа, и приготовился защищаться.

Он выхватил толстую палку из рук коммерсанта и остановился у края платформы, подзадоривая безумного.

— Ваш черед, мой друг,—кричал он:—Ступайте сюда с вашим молотком! Я готов вас встретить.

Сверху донесся треск, и маленькая платформа начала качаться. Оглянувшись через плечо, Стенгэт увидел, что все его спутники благополучно перебрались на боковую перекладину. Странное зрелище представляли эти перепуганные люди, цепляющиеся за решетку. Но ноги их твердо стояли на железной балке. Ловкий прыжок — и он уже на их стороне. В ту же минуту безумный убийца с молотком в руке перепрыгнул через провал. Они видели его искаженное лицо, черные волосы, разметанные ветром, горящие ненавистью глаза. Он балансировал на раскачивающейся платформе. Резкий треск... и все исчезло из виду. Снизу донесся глухой удар от падения тяжелого тела.

Мертвенно бледные люди, цепляющиеся за холодные стальные бруссы, заглянули в жуткую пропасть. Летчик первый прервал молчание.

— Они пришлют за нами. Все в порядке,—сказал он, вытирая лоб:—Но, клянусь Юпитером, это была страшная минута.

Рассказ Туберкер Морриса.

I.

Было пять часов вечера. Двое мужчин и женщина пили чай за железным столиком в углу одного из парижских садов. Сад был чуть-чуть побольше половины теннисной площадки и состоял из кустов самшита, песчаных дорожек и розовых бегоний. Одной стороной он примыкал к оштукатуренному дому—Rue Barbet Jouy, 38; с трех других сторон его окружали толстые стены, увитые плющом. Раскидистые ветви платана с соседнего двора свешивались через одну из стен и бросали тень на столик, за которым капитан Лорье и его жена беседовали с известным путешественником и охотником, графом Сираном Делярозом.

Между мужчинами был поразительный контраст. Оба они были сильные, властные и высоко образованные люди. Но мужа мадам Лорье называли самым безобразным человеком во Франции, тогда как Деляроз был самым красивым мужчиной в Европе.

Когда капитан Лорье, совершенно спокойно, без тени хвастовства, заявил, что он никогда не испытывал чувства страха, мадам Лорье засмеялась. И когда к ней пристали с вопросом, что ее рассмешило, она покраснела и отказалась от объяснений; впрочем, бросила намек:

— В жизни молодого мужчины бывает два случая, когда он испытывает страх, сказала она;—в первый раз—когда он просит руки молодой девушки у ее родителей, а второй... впрочем, так и назовем его—второй

раз... Если капитан Лорье скажет, что он не испытывал ни малейшего страха в каждом из этих случаев,—что ж, значит, он, действительно, не устрашим, вот и все!

— Я не чувствовал страха,—произнес Лорье,—мне было только жаль твоего отца, у которого тогда был сильный насморк. А что касается второго случая, о котором ты говоришь,—я не знаю, что могло бы испугать меня, то—разве он был когданибудь?

Мадам Лорье снова рассмеялась.

Бывают женщины, у которых все решительно прекрасно: волосы, глаза, нос, рот, зубы, руки, ноги. Мадам Лорье принадлежала к числу таких женщин. Кроме того, у нее был очаровательный смех. мелодичный, переливчатый, веселый, лукавый, незабываемый. Роскошь тропиков слышалась в нем. Так как она в действительности родилась во французской Вест-Индии, то очень возможно, что она восприняла этот смех, как заразу, от своей няни-негритянки. Слышать смех мадам Лорье значило смеяться вместе с ней и долго потом помнить, что смеялся всласть.

— Нет, право,—сказал Лорье,—не думайте, что я хвастаю! Я просто по натуре толстокож и невпечатлителен. Храбрый человек—это тот, который идет вперед, несмотря на чувство страха. Человек же, никогда не испытывающий страха, вовсе не храбрый.—Можно только сказать, что у него на редкость крепкие нервы, да, пожалуй, неповоротливые мозги.

— И вы в самом деле уверены, что не существует такого стечения обстоя-

тельств, при котором вы бы пришли в ужас?—спросил Деляроз.

Капитан Лорье задумался, жена с улыбкой наблюдала его. Наконец, он проговорил:

— Да, я серьезно думаю, что это так. Никогда не зная чувства страха, я не представляю себе, на что оно похоже. Я никогда не испытывал его. А между тем, я побывал кое-где, многое испробовал—войну, авиацию... В юности я охотился и за львами... Ну, и конечно, чем человек становится старше, тем больше притупляется его чувствительность. Человеку, который между восемнадцатью и тридцатью девятью годами своей жизни ни разу не испугался, поздно уже начинать бояться.

Наступило продолжительное молчание. Мадам Лорье потихоньку зевнула, и, как бы желая наказать за дурные манеры свой пышный полураскрытый рот, побарабанила пальцами по губам. Прекращенный таким образом зевок превратился в улыбку, которая, обласкав сначала капитана Лорье, а затем Деляроза, казалось говорила:—Ну-с, господа, что же дальше?

— Знаете,—обратился к ней Деляроз,—мысль о человеке, недоступном чувству страха, раздражает меня. Но если я готов допустить эту мысль, я отрицаю самый факт. И я уверен, что, будь в моем распоряжении несколько часов для приготовлений, я напугал бы вашего мужа до потери сознания!

У Лорье заблестели глаза.

— Я всегда любил сильные ощущения,—проговорил он,—я не знаю, на что похоже чувство страха, но это, несомненно, одно из самых знакомых людям переживаний, и, мне кажется, оно доставило бы мне величайшее наслаждение! Так испугайте же меня! Вызываю вас!

Мадам Лорье бурно рассмеялась. В наступившей затем тишине послышалось воркованье двух голубков, сидевших на соседнем платане.

— Принимаю ваш вызов,—сказал Деляроз.—Но вы неподатливый субъект, это может всколоть мне в копе-

ечку. Что вы скажете насчет небольшого пари! Скажем, десять тысяч франков.

— Сколько угодно,—ответил Лорье, который, как и его друг, был богат.—Пусть десять тысяч... Ну, что же я должен сделать, чтобы испугаться!

— О, вещь давно известную,—проговорил Деляроз.—Просто пойти и в один заброшенный дом, отыскать там определенную комнату и провести в этой комнате десять минут. Если в течение десяти минут вы не почувствуете страха, я уплачу вам десять тысяч франков. В противном случае платите вы.

— А как вы узнаете, испытал ли я чувство страха или нет?

— Вы сами скажете мне,—кратко сказал Деляроз.

Капитан Лорье кивнул головой, оценив в этом ответе деликатное признание своей всем известной честности.

— Ну, а теперь расскажите мне подробные условия пари. В какой дом мне идти?

— Дом этот пользуется дурной репутацией,—сказал Деляроз,—стоит он в глуши сырого, темного и запущенного сада, где давно уже пересохла фонтаны, опавшие листья не убирались уже много лет, а в дуплах деревьев гнезятся совы. Сад обнесен высокой стеной. Стены дома необыкновенно толсты, а в окнах двойные рамы, так что крик о помощи не может быть услышен снаружи. Вы хорошо сделаете, если захватите с собой револьвер.

— Ого! Значит, мне грозит нападение?

— Не нападение, а *испуг*.

— Где же это место, от которого отдает Эдгаром По?

— Оно находится на окраине Сен-Жерменского предместья. Некогда там жил известный затворник и естествоиспытатель аббат Клон. Вы, вероятно, помните, что он был найден мертвым в одной из комнат своего дома с черной и посиневшей кожей и совершенно раздробленными костями—словно две исполинских руки катали его между ладонями до тех

пор, пока не раздавили и не сплющили тело. Будучи при жизни человеком среднего роста, он после смерти казался футов семи росту...

— Но мой муж не должен пострадать!—воскликнула мадам Лорье;—никакого насилия, никаких грубых шуток!..

— Пострадает только его гордость и самомнение,—спокойно сказал Деляроз:

— Как же мне добраться до места этой поистине ужасной смерти?—спросил Лорье.

— О, кто-нибудь укажет вам дорогу,—отвечал Деляроз.— Дом называется «Змеиная Вилла». Вы найдете калитку незапертой и без труда проникнете в дом. Он очень большой, и комнаты для гостей снабжены номерами. Номер той комнаты, в которой вы проведете десять минут—тринадцатый. Это та самая комната, в которой бедного аббата Ключа нашли раздробленным и вытянутым на манер большой сосиски из человеческого мяса.

— Кто убил его?—спросила мадам Лорье.

— Не человек—теперь это выяснено,—ответил Деляроз.

— Аббат Ключ был натуралист,—сказал Лорье.—Последнее его обиталище называется Виллой Змей. Отсюда я заключаю, что какой-нибудь объект его наблюдений, скажем, какой-нибудь большой удав, привел его в такое состояние, чтобы прглотить. Однажды я видел тушу осленка, приготовленного для той же цели гигантским удавом,—и вид его в точности соответствовал вашему описанию трупа аббата Ключа.

— Ни змеи, ни следов ее в данном случае не было обнаружено,—заметил Деляроз.

— Едва ли она могла пережить хотя бы одну из наших парижских зим,—проговорил Лорье,—змеи и американцы не могут жить без искусственного тепла... Когда же мне отправиться на эту примечательную виллу?

— Завтра, в восемь часов вечера—вам подходит?

— Вполне!

— Меня прохватывает сладкая жуть при одной мысли, что на свете бывают подобные ужасы,—сбывала мадам Лорье и обратилась к мужу с вопросом:

— А у тебя нет предчувствия, что в течение этих десяти минут случится что-то такое, от чего у тебя остановится сердце хотя бы на одно мгновение?

— Никакого!—отвечал он. И чтобы показать это, я завтра же утром заверну к Келлеру и куплю тебе кое-что на те десять тысяч франков, которые я выиграю завтра вечером, десять минут девятого!

Мадам Лорье залилась своим заразительным смехом. Она любила почти все, что поступало из несравненного Келлеровского дворца изящных домашних вещей—приборы для маникюра и несесеры, достойные того, чтобы храниться в музее.

Граф Сирамон Деляроз, прекрасный как бог, покосился на нее прищуренными блестящими глазами.

II.

— Куда прикажите, сударь?

До войны шофер таксомотора был простым извозчиком, почему и сохранил багровый цвет лица и пурпурный нос. Выглядел он до свирепости отважным! Но когда капитан Лорье кратко ответил:

— В Сен-Жермен, на Виллу Змей, то красные щеки шофера побледнели, и он втянул голову в воротник своего пальто, словно вдруг озяб от вечернего воздуха.

— В Сен-Жермен еще куда ни шло,—пробормотал он,—я не отказываюсь; но на Виллу Змей—ни за что!

С этой позиции его, казалось, ничем нельзя было сдвинуть.

— Послушайте!—сказал ему Лорье,—на вас военная медаль, вы были ранены. Кроме того, как я замечаю, вы не так давно хлебнули кой-чего... Как же вы можете бояться пустого дома?

— Я не дома боюсь!..

— Чего же в таком случае?

— Чего?...—Сдвинув шапку и почесав свою лохматую голову, шофер нашел, наконец, подходящее выражение:—Меня пугает то, что в этом доме.

— Что в доме! Да, что же в этом доме?..

— Вот этого-то никто не знает,—отвечил шофер,—и потому оно еще страшнее...

— Так вот, то самое, что вас пугает, меня как раз и интересует.

— Итак, мой храбрый соотечественник, вы подвезете меня настолько близко к Вилле Змей, насколько у вас хватит мужества. А остальной путь я пройду пешком.

Капитану Лорье поездка доставляла наслаждение; он был француз и путь его лежал через Париж. Револьвер он переложил из брючного кармана в карман куртки не для того, чтобы иметь оружие под рукой, а потому, что оно мешало ему.

Он жалел, что не взял с собою жены. Она могла бы подождать в автомобиле его возвращения из этой десятиминутной авантюры. Поездка доставила бы ей удовольствие. Он удивлялся, как она сама не предложила поехать вместе с ним. Известно, что женщины ужасно любят тратить большие суммы на таксомотор! Между тем, она даже не возмутилась перспективой обедать в одиночку и категорически отвергла предложение послать автомобиль за матерью.

— Женщины — странные создания,—размышлял он,—например, моя Диана, ненавидящая одиночество когда бы то ни было и в какой бы то ни было форме, вдруг решает, что обед в одиночестве и вечер, проведенный за книгой очень приятная и заманчивая комбинация. Напрасно я не заставил ее поехать со мной.—Он теперь сомневался, понравилось ли ей золотое зеркало, купленное уже на те десять тысяч франков, которые он собирался выиграть.

— Келлеровские вещицы такие простые и безыскусственные,—думал он, что только человек с утонченным вкусом может понять, как они прекрасны.

О своей поездке он почти не думал. Подобно неопытному солдату, новичку на войне, он не любопытствовал узнать, что ему предстоит впереди. Неспособный испытать страх, он не обладал и воображением. Вилла Змей и комната номер тринадцать возбуждали в нем не больше любопытства, чем, например, мысль о новой квартире приятеля, которой он еще не видел, или о комнате в отеле, отведенной для него управляющим.

Но то, что его вовлекли в спор о храбрости, что ему приходится дать хотя бы скромное доказательство своей неустрашимости, было из рук вон плохо. Взрослому мужчине не пристало заниматься детскими забавами!

Таксомотор остановился, и когда капитан Лорье выпрыгнул на тротуар, шофер указал ему на проезд, непохожий ни на городскую улицу, ни на проселок. По сторонам его, кое-где перерываемые калитками, тянулись стены, а над ними черными массами на потемневшем небе вырисовывались деревья.

— Я не раз в дневное время проходил мимо Виллы Змей,—проговорил шофер, драматически понизив голос.—Три соседние с нею виллы пустуют со времени убийства. Это последний дом направо, перед лесом.

— Ждите меня здесь,—сказал капитан Лорье,—я задержусь не более получаса.

Он взглянул на часы, и скорым, беззаботным шагом направился к зловещему дому.

Ночь уже наступила, но темноту скоро рассеяла вошедшая луна, и запущенные виллы приобрели фантастический вид в игре света и тени. Лорье нашел незапертой железную калитку, которая легко и безшумно поддалась под его рукой, словно петли недавно были смазаны маслом. Днем растительность сада должна была казаться скудной, выгоревшей и редкой. Но ночью, при луне, она казалась заколдованной, таинственной и прекрасной. Гравий и сухие увядшие листья шелестели и поскрипывали под щегольскими башмаками Лорье. Он легко взбежал по ступ-

пенькам крыльца, распахнул парадную дверь и остановился: его обдало спертым воздухом и едкой атмосферой сырости и гнили. Лестница в два пролета вела наверх. Полуоткрытое окно в глубине пропускало слабый свет.

Капитан Лорье быстро поднялся по лестнице и стал искать комнату номер тринадцать. Было уже около восьми часов. Чтобы разглядеть номера на дверях, приходилось зажигать спички. При свете третьей спички он увидел цифру «13», и, кинув взгляд на часы, убедился, что до восьми часов осталось ровно полминуты. Он бросил спичку на пол, и, видя что она еще не погасла, наступил на нее ногой. Затем он толкнул дверь и вошел в комнату номер тринадцать.

Он очутился в большой старинной спальне. Окна были раскрыты, и луна, поднявшаяся довольно высоко, озаряла комнату. Кроме зловещего числа тринадцать, да, пожалуй, суровой, старомодной мебели, комната не являла ничего такого, что могло бы испугать. Правда, углы, куда не мог проникнуть взор, тонули в тени, и он помнил, что некогда в этой самой комнате нашли труп человека, загадочным образом вытянутый. Но в тенях не было ничего страшного или неестественного, а убитого ученого давно унесли и похоронили. Но здесь, как сейчас же заметил капитан Лорье, легко было схватить смертельную простуду, если побыть достаточное время. Сырость была такая, что ее можно было, кажется, осязать руками. Вдруг внимание его привлек чугунный радиатор отопления почти на уровне пола, совершенно поломанный.

— У Деляроза был в распоряжении целый день, и он мог хоть печку протопить! — подумал он.

Повернувшись к окну, он взглянул на часы. Прошло уже пять минут назначенного срока, и он улыбнулся при мысли, что выиграл уже половину десяти тысяч франков, и что до сих пор еще не сделано ничего, чтобы испугать его.

Но в тот самый момент, как он подумал о печке, до его слуха донесся целый ряд загадочных звуков, которые исходили из подвала дома и как рупором передавались по трубам водяного отопления. Кто-то тер и царапал трубы по всей их длине. Стенки труб скрипели и трещали. Через минуту ему казалось, что все эти разнообразные звуки концентрируются в трубе, ведущей в ту самую комнату, где он находился. Капитан Лорье вскоре убедился, что нечто живое и тяжелое пробирается наверх из подвала дома.

«Эти самые звуки слышал и ученый незадолго до своей смерти, — подумал Лорье. — Или должен был слышать, если бы не спал — предполагая, что он спал»...

Ему было приятно, что его теория насчет этого убийства сейчас будет проверена и продемонстрирована, и он ни в малейшей степени не удивился и не встревожился, когда в проломанной отдушине показалась плоская тупорылая голова с агатовыми глазами, и огромное туловище гигантского удава начало вползать в комнату.

Змея вползала отвратительно-медленно, воровато, зловеще.

Капитан Лорье взглянул на часы. До десяти минут девятого оставалось ровно две минуты, и уже двенадцать футов длины чудовищного констриктора влилось в комнату.

Голова удава, приподнятая почти на фут от пола, медленно колыхалась из стороны в сторону, а глаза его, тусклые, немигающие, отвратительные, были неподвижны.

Капитан Лорье с интересом наблюдал гостью. Ему приходилось видеть змей в лесах и пустынях, но никогда он не думал, чтобы змея могла жить в заброшенном центральном отоплении и вдавиться в такое узкое отверстие. Он знал, однако, что голод и гнев могут привести в ярость и сделать молниеносно — подвижным даже огромного и полусонного удава, и когда в трубе оставалась еще футов двенадцать змеиного туловища, он выхватил револьвер, наклонился вперед, приставил стальное дуло

оружия к холодной морде чудовища, выстрелил и мгновенно подался назад. Змея умерла очень спокойно для змеи. Голова ее, страшно разможженная, заметалась, судорога волнами и струйками побежали по телу, и через минуту она была совершенно или почти неподвижна.

Капитан Лорье сунул револьвер в карман и посмотрел на часы.

— Теперь Делярозу трудно испробовать что-нибудь другое,—подумал он,—срок уже истекает... А я все еще не испытал чувства страха!

В этот момент где-то у изголовья кровати раздался звонок телефона. Капитан Лорье перешагнул через убитую змею, нашел телефон, и приложил трубку к уху.

— Слушаю,—произнес он,—кто говорит?

— Это я, Деляроз. Ну, что, испугались вы?

Нет еще. Но в вашем распоряжении есть еще полминуты.

— Более чем достаточно!—донесся до него голос Деляроза с каким-то надменным и неприятным оттенком:— вполне достаточно! Многое можно успеть в полминуты. Слушайте!..

Капитан Лорье послушно прильнул к трубке, и до его слуха донесся громкий, заразительный женский смех.

— Я слышу смех моей жены,—сказал капитан Лорье,—что же дальше?

— Ничего. Ровно ничего!

— Хорошо; но где вы оба?

Снова послышались переливы бурного хохота мадам Лорье, к которому присоединился теперь и смех Деляроза.

И Деляроз повесил трубку.

Кое-что молнией пронеслось теперь в мозгу капитана Лорье,—такие вещи, которые в другое время показались бы ему пустяками. Ему вспомнилось, как однажды, будь он подозрительным человеком, ему положительно могло бы показаться, что они касались друг друга ногами под столом; как в другой раз волосы мадам Лорье, обычно тщательно причесанные, оказались растрепанными с левой стороны... Этот неудержимый, громкий, лукавый, ликующий, южный смех, полный намеков и тайных значений, казалось, эхом отдавался в ушах,—и таким же эхом звучал смех Деляроза — хриплый, наглый, бессовестный смех торжествующего соперника!

И тогда-то, в первый раз в своей жизни, капитан Лорье почувствовал страх...

Было десять минут девятого.

Он проиграл свой... заклад!

Исторический рассказ Эллис Лирсон.

В один из жарких и душных вечеров 1465 года король Людовик французский, одиннадцатый по счету, быстро шагнул назад и вперед по одной из комнат верхнего этажа Турнельского дворца. Его худое, отталкивающее лицо подергивалось судорогой ярости, а маленькие глазки злобно сверкали, когда до него долетали шумные крики возбужденного народа, проникавшие в раскрытые окна.

Весь день толпились добрые граждане по улицам Парижа. Пусты были их желудки, пусты их карманы и сильно испорчено настроение их духа. Принимая во внимание первые два обстоятельства, легко было понять и последнее. Человек должен быть выше, чем человек, чтобы, голодая день за днем, сохранить добродушие. И однако была еще одна и, быть может, главная причина дурного настроения толпы: у стен Парижа, с гордо развевающимися по ветру знаменами, стояли войска Карла, графа Шарлуа, — сына герцога Бургундского, и его союзника. Союзники выжидали удобного случая, чтобы напасть на город и довершить падение его величества, ибо между

Людовиком и Шарлуа царила свирепая вражда. Пока длилась осада, народ не мог надеяться ни на свежую провизию, ни на плотно набитые карманы, и жаждал, чтобы осада кончилась хотя-бы низвержением Людовика.

Шарлуа и не думали обвинять. Его претензии были вполне законны. Весь гнев, и с полной справедливостью, обрушивался на Людовика. «Почему король не устроит вылазки и не прогонит бургундцев?» — спрашивали парижане друг друга, и не только спрашивали, но и громко кричали об этом.

— Нам не пришлось бы так долго голодать. Буль у нас настоящий король, — король, как король! Какое дело Людовику до того, что народ его страдает? Ровно никакого! У себя во дворце он сидит в тепле и в уюте; стрелы бургундцев туда не долетают, он сытно питается и карманы его туго набиты золотом!

— Фи! он даже недостоем имени короля! Лучше уж пусть пока правят бургундцы,

Вот, что кричали парижане, толпясь на улицах.

— Проклятие на их головы! — шептал Людовик, сжимая кулаки и потрясая ими перед окном, в которое, вместе с легким ветерком, врывались в уши короля эти мятежные крики.

Оставить город без армии он не имел возможности, а на армию-то он и не мог вполне положиться. И все же завтра виселицы получают свою дань! Король представлял себе эту сцену с злобным удовлетворением.

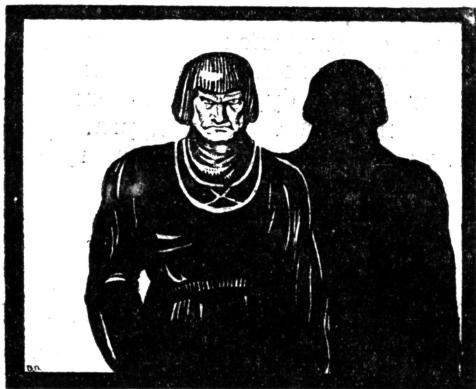
— Будет тебе работа, друг Тристан, — бормотал король и снова принимался шагать взад и вперед.

Немного спустя, однако, он остановился и склонил голову, как бы прислушиваясь. Из коридора донесся гул торопливых шагов; прошла еще минута и раздался стук в дверь. Людовик отворил.

— Привет тебе, друг Тристан, — воскликнул он и фамильярно потрепал вошедшего по плечу. Затем он указал на окно:

— Слышишь ты этих собак? Хорошенький шум, нечего сказать!

Человек, переступивший порог королевского покоя, был средних лет, плотного сложения с тяжелым взглядом и угрюмым лицом. Он был одет в черный кафтан, как подобало его званию — званию королевского палача. При словах короля, Тристан нахмурился.

Человек, переступивший порог, был плотного сложения, с угрюмым взглядом.

— Слышу, сир, — сказал он сурово, — но, как и у собак, лай их хуже их укусов. Завтра некоторые из них пожалеют, что лаяли...

Людовик рассмеялся.

— Мысли наши сходятся, приятель. Завтра утром у твоих помощников, вероятно, будет достаточно работы, — заметил он. — Ну, теперь говори — с чем ты пришел? Уж не случилось ли какой-нибудь неприятности?

Тристан мрачно ухмыльнулся и ответил не сразу.

Зорко окинув взглядом покой, он тихо подкрался к двери, быстро распахнул ее и посмотрел в обе стороны по коридору. Везде было пусто. Он кивнул головой с довольным видом, затворил дверь и вернулся к своему повелителю.

— Лишняя осторожность никогда не мешает, — проговорил он.

Людовик сел и указал Тристану на стоящий против него стул.

— Продолжай, друг мой, — сказал он.

Палач сел на указанное ему место и прокашлялся.

— Два часа тому назад, — начал он тихо, — у меня была одна дама, воспитанница человека, которого я уже давно заподозрил в том, что он не так предан вашим интересам, как кажется. Я уже давно приказал проследить за ним, но ничего не смог открыть. Однако, нынешний день доказал, что подозрения мои имеют свое основание, потому что мадемуазель...

— Имя этого человека? — прервал его Людовик.

— Франсуа, граф де-Лотрек, — ответил Тристан.

— Фьють! А его воспитанница?

— Мадемуазель де-Шевней.

Людовик подумал с минуту и сказал: —

— Я ее не знаю; но продолжай.

— Она рассказала мне странную историю, сир, — снова заговорил Тристан, — и, прежде всего, смею заметить, я безусловно верю ей. Как вам известно, Лотрек жестокий, бесчувственный человек и, судя по тому, что я слышал, он был не особенно-то добр к мадемуазель. Он, между прочим, решил, что она выйдет замуж за мосье де-Вилльель — вы его знаете — брак крайне не-

желательный для нее, так как сердце ее отдано другому.

— Вот как!—А ее возлюбленный?

— Это господин де-Винсёйль.

Людовик раскрыл глаза от удивления.

— Винсёйль! Как? Уж не тот ли это человек, которого ты арестовал недавно?

— По подозрению в измене. Да.

Король встал и принялся взволнованно шагать по комнате, задумчиво

говор, в котором замешан де-Лотрек и она готова предать его в уплату за свободу своего возлюбленного.

— Совершенно верно,—ответил палач.—Она намекнула мне, что де-Лотрек замешан в каком-то заговоре против вашего величества. Но какого рода этот заговор, она не пожелала сказать. Она достаточно хитра. Она заявила, что ради того, чтобы получить все сведения, вы сами, сир, должны посетить ее се-

Через несколько минут они оказались за пределами дворца.

сдвинув брови. Вдруг он издал восклицание и, снова усевшись, ударил кулаком по столу.

— Мне кажется, что мне мелькнул свет,—заявил он.

— У вашего величества удивительный дар предвидения,—похвалил его Тристан.

Людовик самодовольно улыбнулся.

— Из твоих слов,—промолвил затем король,—я заключил, что мадемуазель известен какой-нибудь за-

годня вечером в половине девятого в доме де-Лотрек на улице Люинь.

Людовик быстро поднялся со стула и насмешливо проговорил:

— Очень неостроумный план, чтобы овладеть мною, приятель...

Тристан покачал головою.

— Я этого не думаю. Она говорила слишком убедительно, но если это даже и так, я не вижу, какая тут может быть опасность для вас. Дюжина телохранителей поблизости

вполне обеспечит вашу безопасность.

— Это, верно,—согласился Людовик, и снова усевшись, он оперся подбородком об руку и стал задумчиво смотреть в окно. Он долго и серьезно разбирал вопрос—итти или не итти—и, наконец, снова обратился к палачу.

— И тебе кажется, что я должен псыти, приятель?—спросил он.

— Думаю, что да,—сказал Тристан убежденно. — Мадемуазель сказала мне, что все слуги, кроме одного человека, которому она вполне доверяет, отпущены на всю ночь и что, за исключением этого человека, в доме будут только она и ее компаньонка.

Людовик тяжело перевел дыхание.

— В таком случае я пойду,—сказал он.

— Если так, то мы не должны терять времени.—Часы на соседней церкви пробили восемь. — У нас осталось только полчаса,—продолжал Тристан, вставая. Что бы дойти, понадобится половина этого времени. Я предвидел, что вы согласитесь и приказал страже быть наготове, прежде чем поднялся к вам.

— Отлично,—сказал Людовик. — Подожди меня,—он скользнул в свою спальню и вернулся через минуту в плаще, закутывавшем его до половины лица, и шляпе, надвинутой до самых глаз.—Готово, приятель.

Через несколько минут они оба очутились за пределами дворцового сада и быстро направились к улице де Люинь. Шум в городе далеко не уgomонился и немного спустя громкие крики снова огласили воздух. Людовик сумрачно улыбнулся.

— Собаки все еще продолжают лаять,—заметил он.

Тристан оскалил зубы в злобной усмешке и принялся сыпать проклятия на толпу.

Король рассмеялся над его горячностью.

— Проклятия не помогут, друг мой,—сказал он. — Лучше сохрани свои силы на случай нужды.—Он промолчал с минуту, затем спро-

сил:—Нам необходимо пройти через толпу, чтобы дойти до улицы Люинь.

— Это, как будет угодно вашему величеству; кратчайший путь лежит через толпу, но мы скорее дойдем окольными путями, хотя времени у нас осталось немного.

— Жаль,—сказал с сожалением Людовик. — Мне хотелось бы знать, что думает мой добрый народ о своем короле,—съехидничал он.

Тристан сурово улыбнулся.

— Это я смогу сообщить вашему величеству в немногих словах, но боюсь, что это вам не понравится.

Король нахмурился.

— В таком случае оставь, что знаешь, при себе,—проговорил он,—да еще держи язык за зубами, мой добрый Тристан. Порезже повторяй «ваше величество». У меня нет ни малейшего желания болтаться на собственной виселице.

Не прошло и четверти часа, как они свернули в улицу де-Люинь, состоящую из высоких, величественных домов. Повидимому, большинство из них было покинуто своими обывателями и только в двух или трех светились окна.

Тристан остановился, Людовик дернул его за плащ и тревожно осмотрелся.

— Это место, где ждет нас мадемуазель Шевней?—спросил он.

— Да, это улица де-Люинь, сир,—послышался ответ;—наши люди должны быть здесь где-нибудь поблизости.—Он тихо засвистал и почти сейчас же, немного впереди них, раздался ответный свист. Путники сделали еще несколько шагов и наткнулись на дюжину людей в латах, прижавшихся в темном крыльце покинутого дома. Командовавший ими офицер отдал честь.

Тристан указал на дом с противоположной стороны улицы, крыльцо которого было освещено.

— Никто не входил туда за последний час?—спросил он.

Спрошенный отрицательно покачал головой.

— Пока мы здесь стояли—никто, ваша светлость,—ответил он,—но

два раза какая-то женщина подходила к дверям и стояла по нескольку минут на пороге, точно ожидая кого-то.

Палач обменялся взглядом с королем.

— Это, должно быть, мадемуазель,—заметил он, затем, повернувшись к страже, добавил:—Останьтесь здесь. Если вы нам понадобится, я свистну, а вы бегите сейчас же к нам,—приказал он. Затем он осмотрел беглым взглядом оба конца улицы, взял Людовика под руку и начал осторожно перебираться через улицу.

Они уже были на полдороге, когда указанная Тристаном дверь раскрылась, и Людовик увидел женскую фигуру, резко обрисовавшуюся на светлом фоне. Увидев их, женщина сделала им знак подойти. Оба быстро направились к дому.

— Вы опоздали,—сказала она немного резко,—заходите все-же, но только скорее, пожал уйста.

Пришедшие последовали за нею через прихожую, затем вверх по широкой лестнице и очутились в комнате, освещенной дюжиной восковых свечей и двумя или тремя висячими лампами.

Комната была высокая и обширная и стены ее были обиты пунцовым бархатом. Посредине стоял большой стол, окруженный дюжиной стульев. Молодая девушка пригласила их знаком садиться, и сама опустилась на стул, не выказывая ни малейшего смущения в присутствии короля. Людовик смотрел на нее с удивлением, невольно любуясь ею. Девушка была высокого роста и для своего юного возраста—ей едва ли сравнялись двадцать лет—удивительно хорошо сложена и изящна. У нее были черные волосы и глаза, слегка румяные щеки и алые губы. «Удивительная красавица,—подумал Людовик,—и настоящий дьявол, когда ктонибудь ее разозлит».—Он низко склонился перед девушкой.

— Мадемуазель,—заявил он,—я ваш слуга.

Она улыбнулась.

— А я верная подданная вашего величества,—ответила она.

Тристан прорычал:

— Вы сказали, что мы опоздали, мадемуазель; не будете ли вы любезны пояснить, что это значит!

Девушка презрительно подняла брови.—Я имею возможность, сир,—сказала она—открыть вам нечто, имеющее огромное значение для вас и в сущности, для всей Франции. Но,—тут она улыбнулась,—в отплату я прошу небольшой милости.

— Смелая же вы женщина, мадемуазель,—проговорил король,—что решаетесь торговаться со мною. Однако, в чем дело?

Людовик увидел женскую фигуру на фоне освещенной двери.

Она глубоко вздохнула:

— Два дня тому назад, сир, мосье де Винсёйль был арестован по вашему приказу. В уплату за мои сведения я требую его жизнь и свободу.

— Вы очень много требуете, мадемуазель,—сказал Людовик сурово.—Как могу я знать, что ваши сведения будут этого стоить?

— Ваше величество сами решат этот вопрос,—ответила она.—Дадите ли вы мне слово, что если то, что вы узнаете, действительно стоит этого, он будет освобожден?

Людовик обратился к Тристану:

— Что ты скажешь на это, приятель?

Палач внимательно посмотрел на девушку.

— Если сведения мадемуазель этого стоят, мы, быть может, найдем, что ошиблись на счет мосье де-Винсёйль.

— Вы слышите, мадемуазель? — спросил Людовик.

Девушка поклонилась. Щеки ее ярко вспыхнули, и глаза засветились.

— В таком случае, он завтра будет свободен, — воскликнула она и добавила почти шепотом: — Сегодня ночью, сир, граф Шаролуа посетит Париж.

Людовик вскочил на ноги и даже Тристан выказал некоторое волнение.

— Тысяча чертей! — воскликнул Людовик; — Шаролуа!

Мадемуазель Шевней кивнула головой. Король обернулся к ней с побледневшим от волнения лицом.

— Берегитесь, мадемуазель, — сказал он, — не шутите со мною. Это правда?

— Ну, конечно, это правда; он посетит этот дом сегодня вечером в девять часов.

Людовик едва дышал и смотрел на Тристана с открытым ртом.

— Бог мой, какая новость!

Он повернулся к девушке, которая наблюдала за ним тревожным взглядом.

— Он посетит этот дом, говорите вы?

— В девять часов, — повторила она, и в то время, как она говорила, звук открывающейся внизу двери достиг до ушей говоривших.

Девушка чутко прислушивалась с минуту, затем быстро встала. — Это, должно быть, они, — шепнула она. — Идите за мной, — и она быстро и бесшумно направилась в соседнюю комнату.

Тристан и Людовик последовали за нею, прикрыли за собою дверь, остановились и стали прислушиваться.

— Сюда, пожалуйста, господа, — раздался чей-то голос; кто-то позвал: «Жан!» Затем новый голос проговорил: — «комната готова, милорд».

— Хорошо, — проговорил первый голос и вслед за этим шаги начали подыматься по лестнице.

Людовик слегка приоткрыл дверь и выглянул в щель. Ему удалось рассмотреть лица вновь прибывших, когда они появились на верхней площадке лестницы. Первым шел граф де Лотрек, пожилой господин с суровым, даже жестоким лицом. За ним следовал какой-то незнакомец. Затем: — Д'Обиньи! — прошептал король, узнав одного из своих собственных придворных и крепко схватил Тристана за руку. — Де Сорнак! — продолжал он, когда показался еще один посетитель: — де Виллель! — Еще одно знакомое лицо. Затем показались два незнакомца и, наконец, какой-то человек, одетый слугой. Но того, кого король главным образом искал, между ними не было.

— А где же мадемуазель и мадам? — раздался голос де-Лотрека.

— В комнате мадемуазель, — ответил без запинки слуга.

— Отлично. Иди и охраняй дверь, — приказал де-Лотрек.

Все семеро вошли в комнату и дверь за ними закрылась.

Людовик заглянул сквозь мрак в лицо мадемуазель Шевлей.

— Шаролуа с ними нет, — прошептал он сквозь стиснутые зубы. — Что это значит?

Девушка задрожала.

— Он должен был притти, — ответила она. Быть может, его задержало что-нибудь. Однако, пойдемте, — и она повела его через комнату и, сдвинув обивку со стены, раскрыла небольшое отверстие в стене.

Людовик улыбнулся с довольным видом и стал смотреть в соседнюю комнату через отверстие, образовавшееся между двух краев бархатной обивки стены.

Во главе стола сидел граф де-Лотрек. Справа от него поместился незнакомец, поднявшийся вслед за ним по лестнице. Остальные заняли места дальше вдоль стола.

Де-Лотрек встал и, держа какую-то бумагу в одной руке, а другую прижав к груди, смотрел на собравшихся.

— Господа,—начал он,—господа, мне нет надобности объяснять, почему мы все сегодня собрались здесь. Это вам уже известно. Но я, к величайшему моему сожалению, должен вас уведомить, что тот, кого мы ожидали здесь встретить, был принужден отказаться от посещения моего дома. Вместо него прибыл господин граф де Сен-Врей—тут он поклонился гостю, сидевшему от него по правую

руку и передаст вам это послание, знает все мои планы и сообщит их вам. Прошу вас условиться с ним, как вы условились бы со мною самим. Да поможет нам господь. Ваш Шаролуа».

Людовик снова схватил Тристана за руку и пршептал ему на ухо:

— Чорт возьми! Мне кажется, мы наткнулись на хорошенькое дельце, приятель!

Тристан молча кивнул головой.

Де Лотрек встал, держа какую-то бумагу в одной руке, а другую прижав к груди.

руку;—я надеюсь, вполне выражу ваши чувства, говоря, что граф—желанный гость среди нас. Господин граф оказал мне честь, передав мне письмо, которое, с вашего позволения, я сейчас прочту.—Он развернул пергамент и прочел:

«С величайшим сожалением я должен уведомить вас, что, в силу непредвиденных обстоятельств, я не имею возможности быть сегодня вечером у вас. Однако, граф де-Сен-Врей, кото-

Де-Лотрек сел, а граф де-Сен-Врей встал и поклонился.

— Господа,—заговорил он низким голосом,—господа, от имени его светлости и своего собственного я благодарю вас за любезность и сердечный прием, а больше всего за вашу великодушную помощь, давшую мне и моим спутникам возможность проникнуть в город. Многое мы узнали. Больше всего меня радует то, что жители Парижа, очевидно, не любят

человека, правящего ими.—Он указал рукой на город и до слуха собравшихся долетел отдаленный рев толпы.—Да будет его правление кратковременным! А теперь,—продолжал он более деловитым тоном,—так как нам, к сожалению, недолго придется пробыть вместе, я должен скорее выполнить свою задачу.

Он смолк и окинул взглядом каждого из сидевших за столом. Затем дрожащим от волнения голосом он продолжал:

— Господа, я говорю от имени Лиги Общего Блага. Монсиньором графом Шаролуа, монсиньором герцогом де-Берри, монсиньором герцогом Бретанским и всеми остальными организаторами и руководителями Лиги единодушно было решено, что жизнь Людовика Валуа, короля Франции, вредна для государства, и что он должен умереть в искупление многочисленных злодеяний, свершенных им и за нарушение своих торжественных обещаний и хартий; затем Лига решила, что вы, состоящие членами нашей священной Лиги и постоянно находящиеся в общении с ним, должны привести в исполнение приговор.—Таково поручение, которое его светлость и повелитель приказал мне передать вам,—закончил он.—Теперь нам остается решить, каким образом это может быть достигнуто.—Граф сел, а остальные стали переглядываться с смущенным видом.

В соседней комнате Людовик перешептывался с Тристаном. Девушка стояла неподвижно, словно статуя.

— Мы слышали достаточно, чтобы всех их перевешать,—сказал Тристан.—Не свистнуть ли мне страже?

Людовик отрицательно покачал головой.

— Нет, нет; еще не время, приятель,—ответил он.—Молчи; я очень заинтересован,—и он тихо рассмеялся.

В течение нескольких минут заговорщики переговаривались потихоньку, повидимому не будучи в состоянии решиться на что-либо, отвергая один план и рассматривая другой. Затем Сен-Врей встал и под-

нял руку, чтобы привлечь внимание.

— Я хочу предложить один план,—сказал он;—план этот рискован, но прост, однако эти два обстоятельства и могут способствовать его удаче. Что может быть проще следующего: испросить под каким-нибудь предлогом у короля частную аудиенцию. Вы очутились бы наедине с королем, и он мог бы безшумно покончить свою подлую жизнь. Внезапный прыжок, руки сдавили шею, кинжал в сердце—и вы могли бы тотчас же уйти. А раз вы очутились бы на улицах Парижа, вы были бы в безопасности. Ну, что вы на это скажете?

Сен-Врей сел; в течение нескольких секунд продолжалось мертвое молчание; вдруг де-Лотрек ударил рукою по столу и посмотрел на своих сотоварищей сверкающими глазами.

— Боже мой, господин граф!—воскликнул он возбужденным голосом,—план ваш превосходен. Кому придет в голову, что мы осмелимся убить Людовика в его собственном дворце? Самая опасность этого плана обеспечивает его успех.

Д'Обиньи и де-Сормак кивнули головой.

— Вы правы,—заметил первый.—План рискованный, но я не вижу, почему бы ему не удался,—добавил второй. Де-Виллель, еще молодой человек, ничего не сказал.

— И у нас есть готовый предлог для подобной аудиенции,—дополнил де-Лотрек.—С неделю тому назад господин де-Шабейль был арестован по какому-то ничтожному поводу. Что может быть естественнее, если мы, его друзья, обратимся к королю с целью испросить ему прощение.

— Без сомнения,—заметил Сен-Врей,—никакого подозрения это возбудить не может...

В соседней комнате Людовик провел рукою по влажному лбу.

— Боже мой, приятель,—пробормотал он,—ведь это ловко придумано.

— Конечно ловко,—пробормотал Тристан,—но вам нечего бояться. Я свисну стражу,—и он сделал шаг по направлению к окну.

— Нет, нет,—схватив его нервно за рукав, зашептал Людовик,—нет еще; дослушаем до конца.

Тристан посмотрел на него с удивлением.

— Как вам будет угодно,—ответил он;—но так было бы лучше.

Король покачал головой и снова приложил глаз к отверстию в стене.

— Чорт меня возьми!—воскликнул в это время де-Лотрек, так это и будет сделано.

Сен-Врей подумал некоторое время.—Вы сигнализуете мне от северных ворот,—сказал он, наконец.—Сигналом будет...—Он внезапно смолк и стал прислушиваться—колокол званивал часы.—Силы небесные? уже одиннадцать часов!—воскликнул он.—Нам необходимо итти; мы решим относительно сигнала по пути к воротам. Вы, конечно, проводите нас?

Де-Лотрек поклонился и встал;

— Сообщите мне сигнал, и я дарю вам жизнь!—воскликнул Людовик.

Сен-Врей поклонился.

— В таком случае, решено; а теперь назначим день. Дайте мне два дня сроку и наша армия будет готова для стремительной атаки Парижа. Сегодня вторник; пусть это свершится в четверг, как можно позднее. Когда дело будет сделано, распространите весть в народе; она быстро разнесется.

— А как вы об этом узнаете?—спросил де Лотрек.—Должны же мы каким-либо способом уведомить вас.

остальные последовали его примеру; все быстро вышли из комнаты.

Людовик порывисто повернулся к Тристану.

— Свисти!—прсшипел он, и Тристан направился к окну. Но девушка схватила его за плаш.

— Стойте, стойте, — зашептала она,—есть лучший спосб.

Король посмотрел на нее с удивлением.—Лучший спосб,—сказал

он раздраженным тоном,—какой это способ?

— Вот, какой,—ответила она и принялась быстро сообщать план, который вызвал румянец на щеках Людовика и заставил засверкать его глаза.

— Чорт возьми!—проговорил он, когда она кончила.—Вам следовало бы родиться мужчиной, мадемуазель; вот это называется планом!

Лицо Тристана сияло восхищением.—Это великолепно,—согласился он; но... но это опасно.

Людовик тихо рассмеялся.

— Ну вот! тут нет никакой опасности,—сказал он.—Ты можешь находиться поблизости с дюжиной телохранителей. Я не боюсь, поэтому и тебе нечего бояться. И подумай только, какие это будет иметь последствия, — это почти смертельный удар для Лиги. Клянусь честью! посмеемся же мы над моим добрым кузеном Шаролуа.

Девушка направилась к двери, вышла на площадку лестницы и заглянула через перила. Пока она там стояла, дверь, ведущая на улицу, захлопнулась и голос слуги тихо произнес:

— Они ушли, миледи.

Тогда король с своим спутником тоже вышли на лестницу.

Слуга открыл дверь. Девушка с тревогой смотрела на Людовика.

— Сир,—начала она дрожащим голосом, Людовик засмеялся.

— Не беспокойтесь, мадемуазель, вы получите вашего возлюбленного. Ваши весты стоят вдвое больше его особы. Позаботься об этом, Тристан, а теперь позвольте мне поблагодарить вас,—и привлеки девушку к себе—король, отличавшийся всегда галантностью,—слегка коснулся губами ее щеки.—Прощайте, мадемуазель,—сказал он и, весело улыбаясь, оба посетителя вышли на улицу, где их сейчас же поглотила ночная тьма.

II.

Как и большинство французской знати, граф де-Лотрек уже давно был недоволен презрительным отношением Людовика к дворянам. Теперь двор

далеко не походил на то, чем он был в царствование отца Людовика. Взойдя на престол, Людовик уволил министров своего отца, распустил всех занимавших придворные должности и, пренебрегая людьми высокого происхождения, заменил их другими, из низших слоев. Как например: Тристан л'Эрмит, палач, и Оливье-ле Дэм, брадобрей; от них, по мнению короля, можно было ожидать большей покорности, чем от людей высокого положения. Подобные меры, конечно, вызвали негодование дворянства и породили Лигу Общественного Блага, образовавшуюся, для того, чтобы бороться с королем. Де-Лотрек и три его сотоварища по заговору также были членами Лиги.

Де-Лотрек был человек неукротимой воли, привыкший доводить до конца каждое предприятие, в котором он участвовал. В данном случае он твердо решил не останавливаться ни перед какими препятствиями.

Было около семи часов вечера того четверга, в который было решено убийство короля, когда четверо заговорщиков, условившись обо всех подробностях и распределив между собою роли предстоящей трагедии, покинули дом де-Лотрека и направились во дворец. Они были так заняты собственными мыслями, что почти не обратили внимание на происходившее вокруг них — а между тем всюду были видны отряды солдат, проходившие по улицам, и направлявшиеся к городским стенам.

Полчаса спустя и заговорщики явились во дворец, и назвав себя, испросили частную аудиенцию. Разрешение было немедленно ими получено и их ввели в королевские покои.

Занавески на окнах здесь были задернуты, и комната освещалась полудюжиной восковых свечей, горевших в развешанных по стенам канделябрах, и свешивающейся с потолка серебряной лампы. Среди комнаты стояло двое:—Людовик, хрупкая, худая фигура вся в черном, с веселой улыбкой на устах, и Тристан л'Эрмит. Когда четверо посетителей вошли, Людовик указал Тристану на дверь.

— Эта аудиенция будет частной, приятель,—сказал он. Мне кажется, таково ваше желание, господа?

Де-Лотрек поклонился и Тристан вышел из комнаты с загадочной улыбкой на суровом лице.

Людовик жестом пригласил пришедших садиться, что они и сделали против воли. Им было бы гораздо удобнее оставаться на ногах. Король продолжал стоять в некотором расстоянии, отделенный от заговорщиков столом.

— Вы избрали необычное время для своего посещения, господа,—заметил он.—Дело, должно быть, спешное?

Де-Лотрек снова поклонился.

— Действительно спешное, государь,—ответил он и полуприподнялся. Но Людовик жестом снова заставил его сесть.

— Нет, нет, сидите,—сказал он,—и, пожалуйста, продолжайте, я весь—внимание.

Де-Лотрек бросил вопрошающий взгляд на своих сотоварищей. Дело оказывалось труднее, чем он предполагал. Если они будут принуждены сидеть все время, да еще и отделенные от Людовика столом, им не представится случая осуществить свой план. Ему ни на минуту не приходило в голову, что королю все известно. Людовик наблюдал за ними, как кошка за мышью.

— Приступайте же к делу, друзья мои,—сказал он.

Де-Лотрек облизал свои пересохшие губы.

— Трудно приступить к этому делу, сир,—проговорил он.—Мы не желаем вызывать вашего недовольствия, а наша просьба легко может вызвать...

— А в чем состоит эта просьба?—прервал его Людовик.

— Мосье де-Шабейль был арестован неделю тому назад, сир,—по какому поводу, нам неизвестно.—Мы, присутствующие здесь, все знаем, что он всегда был верен интересам вашего величества...

— И вы просите, чтобы я освободил его?—спросил Людовик.

Все четверо поклонились.

Людовик кивнул головой и, подойдя к окну, отдернул занавеску, затем вернулся к столу и злобно рассмеялся.

— Вот вам ответ на вашу просьбу, господа,—сказал он.

Посетители переглянулись с недоумением. Людовик потер руки и снова рассмеялся.

— Смотрите в окно,—прохихикал он,—смотрите хорошенько.

— Боже мой!—вырвалось у де-Лотрека:—Шабейль! Остальные, точно эхо, повторили этот возглас.

В окно они увидели картину, которая оледенила их сердца. В нескольких метрах от окна была воздвигнута виселица, на одном конце ко-

— Повесь его, приятель!—сказал Людовик отвратительно улыбувшись.

торой висел труп; свет падал на его лицо. Это был Шабейль!

— Боже мой!—повторил де Лотрек и отвернулся от окна с помертвевшим лицом.

— Да; это ваш друг,—подтвердил Людовик спокойно.—Таков конец всех предателей. И вы можете заметить, господа, что там еще есть место для трех или даже для четверых...

Де Лотрек пробормотал какое-то проклятие и опустил руку на рукоятку меча.

— Берегитесь, господин граф,—воскликнул Людовик и, топнув ногой, бросился к двери. Она быстро распахнулась и дюжина стражников, предводительствуемых Тристаном, вошла в комнату. Четверо заговорщи-

ков оказались окруженными, прежде чем они успели опомниться, а двое из стражников скрестили алебарды перед королем, защищая его.

Младший из заговорщиков, де-Виллель, смертельно побледнел.

— Боже мой!—воскликнул он.— Все раскрыто!

Остальные шопотом проклинали его.

Людовик злобно рассмеялся.

— Вы совершенно правы, мосье де-Виллель,—подтвердил он и насмешливо уставился на своих врагов.— Ах, господа, господа,—издевался он;—большая глупость устраивать заговоры против Людовика французского; правда, Тристан?—Страшная улыбка, озарившая мрачное лицо королевского палача, подтвердила его слова.

Де-Лотрек выпрямился, стараясь принять смелый вид, хотя далеко не чувствовал смелости.

— Что это значит, сир?—спросил он холодно.

— Отважный же вы человек, господин граф,—проговорил Людовик—Для того, чтобы вздумать убить короля в его собственном дворце, и к тому же такого короля, как я, нужна большая отвага. Чорт возьми!

Сердце де Лотрека сжалось.

— Кто-то ввел вас в заблуждение, государь,—пробормотал он.

Король хлопнул в ладоши и взглянул на Тристана.

— Тысяча чертей, приятель. Слышишь, что он говорит?—закричал он.—Он отлично выдерживает характер. Так значит, господин граф, вы отрицаете, что вы и ваши сотоварищи заодно с графом де-Сен-Врей и еще двумя другими лицами из бургундского лагеря, встретились два дня тому назад вечером «во имя Лиги Общественного Блага», чтобы решить каким образом я должен кончить свою жизнь. Вы это отрицаете?

Де-Лотрек заскрежетал зубами и посмотрел на своих сотоварищей. Де-Сорнак и д'Обиньи спскойно встретили его взгляд; де-Виллель смотрел на короля полными ужаса глазами.

Людовик снова заговорил.

— Отрицать это бесполезно, друг

мой.—Мы с приятелем Тристаном были в соседней комнате и слышали все.

Де-Лотрек весь вспыхнул.

— Это невозможно!—воскликнул он.

Король рассмеялся.

— Вы очень жалеете, что не знали этого? Это избавило бы вас от некоторых хлопот. У вас есть очаровательная питомица, господин граф.

Де-Лотрек пошатнулся. Он понял, кто выдал их.

— Моя воспитанница. Чорт возьми! Вы лжете!

— Нет, нет,—друг мой; я не лгу, но это не относится к делу. Вы, быть может, удивляетесь, почему мы вас не арестовали тогда-же? На это у нас была своя причина. После моей смерти, вы должны были подать сигнал от северных ворот. Мы не слышали, какой был условлен сигнал. Вы об этом сговорились по пути к воротам. Вот почему мы не арестовали вас тогда-же. Мне необходим этот сигнал.

Холод пробежал по спине де-Лотрека, и он едва сдержал готовое вырваться у него проклятие. План Людовика стал ему ясен. О! хитрейший из королей. Зная сигнал, король окажется хозяином положения. Вот почему такое количество вооруженных людей направлялось к городским стенам. Сигнал будет дан, и бургундцы, думая, что Париж охвачен паникой, и окажется легкой добычей, двинутся вперед и попадут в ловушку. О да, это было отлично придумано, о хитрейший из королей!

Но все еще могло окончиться благополучно. Сигнала король не знал. Лотрек посмотрел на своих сотоварищей и сердце его сжалось. На де-Сорнака и на д'Обвиньи он мог положиться, но де-Виллель... В нем он не был так уверен.

Людовик прервал его размышление.

— Ну, что же вы мне скажете, мои друзья?

— Мне нечего говорить,—ответил де-Лотрек:—И мне, и мне,—повторили за ним де-Сорнак и д'Обвиньи. Де-Виллель молчал.

Людовик посмотрел на него:

— Ну, а вам, де-Виллель?

Молодой человек покраснел.

— Мне, мне... пробормотал он.

— Да, вам; выйдите вперед,—прорычал Людовик, и дрожащий от страха Виллель повиновался.

— Сообщите мне сигнал, и я дарю вам жизнь,—продолжал Людовик,—откажетесь—и он указал на окно,—через десять минут вы будете болтаться на этой виселице. Обдумайте. Даю вам три минуты.

Он подозвал знаком Тристана и прошептал ему на ухо.

— Когда он скажет,—освободи остальных на несколько минут.

— Боже мой! да зачем же это,—недоумевал Тристан.

Людовик улыбнулся.

— Делай так, как я сказал.

Тристан недовольно пожал плечами, но передал приказ короля стражникам.

Король снова обратился к де-Виллель. Молодой человек был бледен и видно было, как он дрожал. Ужас перед грозящей смертью овладел его душою. При мысли о такой смерти задрожал бы и самый храбрый, а он был далеко не храбрецом. Он взглянул на своих сотоварищей по несчастью. Лица их были бледны, но на них не было ни малейшего признака страха. Почему не мог он быть таким, как они?

— Ну?—быстро спросил Людовик.

— Я... я не могу этого сделать,—пробормотал молодой человек, избегая взгляда короля.

Король приблизился и постучал ему пальцем в грудь.

— Подумайте еще, друг мой,—сказал он;—подумайте о том, что вы видели вот на той виселице. Неужели вы хотите умереть? Вы молоды, у вас вся жизнь впереди. Сообщите мне сигнал и я вас прощу.

— Не могу,—снова пробормотал молодой человек.

— Не можете!—закричал Людовик.—Дурак!—Он сделал знак трем из стражников.

— Возьмите этого человека,—приказал он;—и повесьте его на той

виселице.—Стражники схватили де-Виллеля.

У Виллеля вырвалось рыдание. В конце концов, он был молод и очень любил жизнь. Он дошел до двери, едва предвигая ноги, но затем вдруг обернулся и протянул к королю руки.

— Сжальтесь!—воскликнул он.

Король улыбнулся и сделал стражникам знак вернуться.

Молодой человек старался не встретиться глазами с своими сотоварищами по заговору.

— Вы мне даруете жизнь, если я скажу?—спросил он.

Людовик кивнул и как-то странно улыбнулся Тристану.

— Да, я вам дарую жизнь,—ответил он. И де Виллель сказал.

— Предатель!—крикнул де-Лотрек.

— Собака! Трус!—воскликнули остальные и с этим восклицанием вырвались из кольца отступивших в сторону стражников и бросились на де-Виллеля.

— Пощадите! пощадите!—закричал тот и стал прятаться за стражу. Но мечи заговорщиков настигли всю жертву, и через минуту он лежал мертвый.

Людовик взглянул на Тристана.

— Ты видел, приятель,—и махнул рукою.—Снова схватить их!—приказал он и стража бросилась исполнять его приказание.

— Клянусь Богом! живым я не отдамся!—закричал де-Лотрек и, прислонившись спиной к стене, принялся храбро защищаться.

Д'Обиньи и де-Сорнак стали по бокам его и загорелся отчаянный бой.

— Возьмите их живьем!—кричал Людовик.—Они мне нужны для виселицы.

Комната звенела от ударов стали о сталь. Первым упал один из стражников с мечом д'Обиньи в груди. Д'Обиньи пытался снова овладеть своим оружием, но споткнулся и пика пронзила его шею. Затем пал и де-Сорнак. За ним последовало два стражника и, наконец, Лотрек, меч которого сломался у рукоятки. Но он обнажил кинжал и с криком,—

«А-а! мы перехитрили тебя, друг Людовик!»—он погрузил оружие в свою собственную грудь.

Людовик проклинал стражников.

— Дураки! идиоты!—кричал он.— Разве это называется взять кого-нибудь живьем? Но, быть может, так даже лучше. Это избавит тебя от хлопот, друг Тристан.—Он помолчал с минуту, затем добавил:—а теперь, приятель, ты знаешь свое дело. Сигнал должен быть подан, махнув трижды фонарем слева направо со стены в дюжине шагов от северных ворот. Пусть это будет сейчас же сделано, а затем доложи мне, что случится дальше; я буду здесь.

Тристан быстро оставил комнату.

Взгляд Людовика остановился на семи неподвижных фигурах и он перекрестился. Ближе всех к нему лежал Потрек.

— Убрать эту падаль!—Трупы вынесли. Оставшись один, Людовик стал на колени возле кресла и поник головой в молитве.—После этого, поднявшись с колен, он благоговейно прикоснулся сухими губами к образку Потерской богородицы, висевшему у него на груди, сел в кресло у окна и весь обратился в слух.

Прошел час, затем два. Наконец, до ушей короля донесся отдаленный рев голосов и слабый лязг стали. Он сжал кулаки и до крови закусил губы.

— Святой Людовик, помоги мне!—пробормотал он и, встав на ноги, стал возбужденно шагать по комнате.

Прошло три часа... четыре. Еще раз он подскочил к окну и прислушался. До его слуха долетел стук копыт по неровной мостовой; стук этот все более приближался. Нако-

нец, какой-то всадник остановился у входа во двор. Король в нетерпении не спускал глаз с двери. По коридору раздались шаги. Еще мгновение и дверь поспешно распахнулась. Тристан вбежал в комнату с пылающим лицом и в изодранной одежде.

Людовик схватил его за плечо:

— Какие вести?—спросил он.

Тристан громко рассмеялся.

— Мы скосили их, как серп скашивает пшеницу,—похвастался он,—они бегут, как воробьи от ястреба. Франция победила! Клянусь богом, сир, это блестящая победа!

Глаза Людовика засверкали.

— Франция победила!—повторил он:—О, господи! Хвала тебе!—он сел и потащил Тристана к своему креслу.—Расскажи мне все,—приказал он. И Тристан рассказал ему как, увидев сигнал, бургундцы подошли и наткнулись на ожидавшую их королевскую армию. Рассказал ему о свирепых атаках, о кровопролитных рукопашных стычках и, наконец, о бегстве бургундцев.

Король молча выслушал его и по окончании рассказа поднялся с кресла.

— Благодарю тебя, приятель,—сказал он;—а теперь оставь меня; я хочу спать.

— А что-же сделать с возлюбленным мадемуазель де-Шевней?—спросил Тристан.

Людовик на секунду задумался, потом улыбнулся своей отвратительной улыбкой.

— Повесь его, приятель!—Ведь теперь мадемуазель де-Шевней нам ни на что не нужна.

И он скрылся за дверью своей спальни.

Рассказ А. Геринга.

Мистер Гарольд Гарграв, горячий поклонник Шопенгауэра и известный ученый, был, в то же время, страстным коллекционером, но собирал он только предметы, связанные с эпохой первого Бонапарта, при чем венцом его коллекции была табакерка с бриллиантами, из которой нюхал табак сам Наполеон.

Мистер Гарграв был вдовец, и его единственная дочь, Элеонора, пользовавшаяся репутацией искусной фехтовальщицы и альпинистки, не разделяла вкусов своего отца к кабинетным занятиям и философии.

В тот вечер, с которого начинается наш рассказ, мистер Гарграв рано улегся спать. Очевидно, ему снился какой-нибудь тонкий афоризм Шопенгауэра или новый анекдот из жизни Наполеона; довольная улыбка блуждала на его лице. Приятный сон прервался ощущением нестерпимо яркого сияния. Впечатление было настолько сильно, что он открыл глаза, но сейчас же снова зажмурил их, ослепленный светом. Проснувшись окончательно, он должен был тотчас же зажмурить глаза от света направленного на него потайного фонаря. Какая-то фигура в маске склонилась над кроватью и прошептала над самым его ухом:

— Посмей только пикнуть—и твоя песенка спета!

Мистер Гарграв подавил готовое вырваться восклицание.

— Мне нужна табакерка Наполеона,—продолжал тот же голос. Говори, где она? Если ты позовешь на помощь, я проломлю тебе башку!

Мистер Гарграв был прежде всего философом.

— Мой друг,—сказал он спокойно.—Я не знаю, почему вы говорите со мной таким угрожающим тоном. Не думаете же вы, что я стану рисковать собственной жизнью из-за любви к какой-то табакерке, как бы ни велика была в моих глазах ее ценность?

Голос грабителя заметно смягчился.

— Видно, вы человек с мозгами,—сказал он.—Где табакерка?

— В несгораемой кассе, в библиотеке.

— А ключ?

— На связке, в глубине верхнего ящика туалетного стола, в соседней комнате.

— Спасибо,—сказал грабитель,—Теперь я вас свяжу и заткну вам рот. Не вздумайте сопротивляться, а то я вас порядком помну.

С этими словами он быстро вытащил из кармана длинную веревку.

— Прошу вас, не трудитесь,—возразил философ, садясь на кровати.—У меня нет ни малейшего желания лежать связанным, как теленок. Если вы согласитесь отказаться от этой формальности, я вам обещаю не поднимать тревоги до завтрашнего утра. Чтобы доказать свою искренность, я окажу вам услугу. Если вы откроете кассу, вы дадите сигнал в комнату моей дочери. Это она настояла на таком устройстве. Но я не желаю, чтобы она встретила с бандитом, а потому я попрошу вас надавить маленькую пружину, скрытую под каской слева.

— Ладно,—сказал вор.—Верю вам на слово.

— Вы очень любезны,—с изысканной вежливостью ответил мистер Гарграв, откидываясь на подушки.—А пока, если вы ничего не имеете против, я думаю вздремнуть. Не сомневаюсь, что в течение года мы встретимся с вами в зале суда. До скорого свидания!

С этими словами он повернулся на бок, натянул одеяло до самого носа и закрыл глаза.

Грабитель с минуту молча смотрел на него, затем прошел в соседнюю

Фигура в маске склонилась над кроватью.

комнату и в указанном месте нашел связку ключей. Очевидно, он был человеком занятым, так как, не желая терять времени, вернулся в спальню и, потрясая связкой перед самым носом философа, спросил:

— Который ключ?

Мистер Гарграв приоткрыл глаза.

— Какой беспокойный человек!—сказал он.—Вот ключ. И уходите.

С этими словами он снова закрыл глаза. Вор вышел из комнаты.

— Забавный старикашка!—думал он, осторожно спускаясь с лестницы.—Если бы я сразу догадался обратиться к нему, я бы избежал многих затруднений.

Он проник в библиотеку, нашел нестергаемый шкаф и начал разыскивать пружину. Она находилась внизу с ле-

вой стороны и была окрашена в зеленый цвет, как и вся касса. Вор тихонько надавил ее и открыл дверцу шкапа.

Нижняя часть была разделена на отдельные ящики, на верхних полках лежали счета и связки бумаг. Он подобрал ключи и наудачу открыл один из ящиков. Осмотрев содержимое, он снова запер его на ключ. В самом нижнем ящике он нашел несколько футляров. Он взял в руки первый попавшийся; в нем оказалось жемчужное ожерелье большой ценности. Но вор бросил на него рассеянный взгляд и положил футляр на место.

Перебрав несколько свертков, он, наконец, напал на табакерку, осыпанную бриллиантами.

Со вздохом облегчения, вор закрыл футляр и спрятал его во внутренний карман куртки. Захлопнув дверцу шкапа, он только что собрался повернуть ключ, как вдруг за его спиной раздался звучный женский голос:

— Руки вверх, или я проколю вас насквозь рапирой!

Инстинктивно он поднял руки.

— Теперь повернитесь,—приказал тот же голос.

Вор обернулся и увидел в двух вершках от своей груди острее рапиры, направленной в него твердой рукой высокой девушки в пеньюаре, очевидно—мисс Гарграв.

Ее лицо было спокойно и сурово, только трепещущие ноздри выдавали ее волнение.

— Положите ключи на стол! Одно неверное движение—и, клянусь вам, я проколю вас!

Вор машинально исполнил приказание.

Мисс Гарграв отступила на два шага назад, продолжая держать рапиру наготове.

— Оставляйтесь там, где вы стоите,—сказала она.—Скрестите руки и отвечайте на мои вопросы. Если я увижу, что ваша рука тянется к карману,

вы пожалеете об этом. Если вы сумеете себя вести, я не подниму тревоги. Как видите, вы можете выиграть, оставаясь спокойным. Вы поняли?

— Да,—ответил он. Подумав с минуту, он прибавил,—да, мисс.

— Вам нет необходимости быть вежливым,—продолжала молодая девушка.—Я предпочитаю, чтобы вы держались естественно. Вы должны благословлять небо за то, что я вас услышала. Если бы вы открыли кассу, вы дали бы сигнал в мою комнату.

— Вы голодны?

— Нет,—ответил он быстро.—Я плотно пообедал, вернее—поужинал.

— В самом деле? Надеюсь, вы говорите мне правду? А ваша жена и дети?

— Они умирают с голоду, мисс, они буквально умирают с голоду,—серьезно ответил вор.

— А вы говорите, что хорошо пообедали!—с неподдельным недоумением воскликнула мисс Гарграв.—Стыдитесь! Должно быть, правду говорят, что у воров нет чести.

— Оставайтесь там, где вы стоите!—зоскликнула мисс Гарграв.

Это могло поднять на ноги весь дом. Где вы взяли ключи?

— Там, наверху... в туалетном столе.

— Удивляюсь, как вы могли догадаться, где они спрятаны,—сказала молодая девушка.—Вы очень ловкий вор. Но если бы вы были еще немного более ловки, я бы не прервала ваших занятий. Скажите мне, почему вы воруете?

Человек в маске на минуту задумался.

— Нужда, мисс,—сказал он, наконец.—Да, нужда,—повторил он, как будто это слово очень понравилось ему.

— Сразу видать, что вы—барышня,—возразил вор.—Где уж вам понять! Когда выходишь на работу, должен быть сыт по горло.

— Скажите мне, я даю слово, что не выдам вас, вам часто приходилось заниматься грабежом?

— Гм... и не сосчитаешь, мисс.

— Значит, вы—мастер своего дела? Снимите маску. Я хочу видеть ваше лицо.

Вор смутился.

— Снимите,—повторила, она.—Вы, кажется, забываете, что я вооружена. Делайте, что вам говорят.

Вор послушался. Мисс Гарграв с изумлением рассматривала его лицо.

— Странно,—сказала она наконец, и голос ее заметно смягчился.—Вы мне напоминаете одного человека, которого я когда-то знала. Вас можно принять за его брата. И голос ваш похож. Но он сражался на поле битвы, а вы идете прямым путем на виселицу!

— Потихе, потихе, мисс!—перебил вор, точно оскорбленный ее словами.—Вы задеваете меня!

— Рада это слышать,—ответила молодая девушка.—Как вас зовут?

— Ну, уж этого-то вы от меня не добьетесь,—ответил вор.—Можете называть меня Самом, коли хотите.

— Странно, Сам, что такой красивый парень, как вы, не может жить честно. Почему вы не займетесь каким-нибудь ремеслом?

— Меня не обучили, мисс, а теперь я уже не могу работать—привык к легкой наживе.

— Вы любите эту жизнь?

— Да. Это все равно, как игра. Одна нога здесь, а другая на том свете.

Девушка слегка кивнула головой.

— Я вас понимаю,—сказала она.—Я испытала это чувство!

— Неужели, мисс, вы пробовали заниматься грабежом?—спросил вор с уважением.

— Нет! Что вы?—засмеялась она.—Я говорю совсем о другом. Представьте себе, что только одна веревка отделяет вас от бездонной пропасти. Это возбуждает гораздо сильнее, чем все ваши приключения.

— Я не думаю,—ответил он.—Ведь это только развлечение, которое вы всегда можете бросить. А вот, когда я почувствовал на своей груди ваше лезвие, тут уж было не до игры. Или вообразите себе полисмена, который гонится за вами по аллее, а два других подстерегают у ворот... Такие штуки случаются со мной часто.

— Должно быть, это очень увлекательно,—задумчиво сказала мисс Гарграв.—Понравилась ли бы мне такая жизнь?

Неожиданная мысль пришла ей в голову.

— Послушайте, Сам! Мне хочется присутствовать при вашем следующем грабеже—возьмите меня с собой! Я испробовала почти все ощущения в мире, но совсем не знаю воровства. По правде говоря, это немного эксцентрично, но, раз уж вы мне дали идею, я бы не хотела упускать удобного случая.

— Это не развлечение,—возразил вор,—не годится, мисс. Оставайтесь лучше дома, с вашим папашей. И не думайте о воровстве, а не то наживете себе беду.

— Не думаю,—ответила она,—уверю вас, я привыкла выпутываться из самых затруднительных положений. И вы не бойтесь, Сам, что я потребую свою долю добычи. Все останется вам. Я это делаю просто для забавы.

— Хорошая будет забава, если вас поймают!

— Я так и знала, что моя затея профессионалу покажется глупой,—ответила молодая девушка.—Но я люблю рисковать. Мало кто из женщин предпочтет карабкаться по горам по пояс в снегу, вместо того, чтобы греть ноги у камина. Нет, Сам! Мое решение принято, а я привыкла делать все, что хочу.

— Юбки не годятся для нашей работы,—возразил он.

— Я переоденусь,—с живостью ответила мисс Гарграв,—я всегда переодевалась в мужской костюм, чтобы лазить по горам. Вы возьмете меня, Сам, я так хочу! Я помогу вам выйти отсюда только при условии, что мы вместе пойдем на грабеж. Помните, что вы в моих руках. Я в любую минуту могу поднять тревогу.

— Что и говорить, мисс, вы меня держите,—сказал вор.—Ладно; положим, что я согласен. Но как же вы узнаете? Писать я не стану.

— Ну, конечно,—ответила молодая девушка.—Назначим свидание, ну хотя бы в среду в три часа в Кенсингтонском саду. Решено? Честное слово? А теперь скажите мне, сколько вы думали заработать за сегодняшний вечер? Я не хочу, чтобы вы ушли с пустыми руками. Теперь мы—союзники!

— Я метил на жемчуг,—сказал вор:—жемчужное ожерелье...

— Ого!—рассмеялась она,—оно стоит больших денег. Какое счастье, Сам, что я успела вам помешать! Вы непременно попались бы, пытаясь его спустить. Подождите минутку, я сейчас принесу свой кошелек. Ключ от кассы я лучше захвачу с собой, чтобы не вводить вас в искушение.

Она взяла связку ключей и вышла из комнаты. У дверей она уронила свой кружевной платок. Оставшись один, вор поднял его и спрятал в карман, тот-же куда сунул табакерку.

Минут через пять она вернулась.

— Вот, Сам!—сказала она, протягивая ему кошелек,—тут десять фунтов. К сожалению, больше у меня нет. Но все же это недурной заработок.

— Спасибо, мисс,—сказал вор, пряча кошелек в карман,—как-будто бы маловато, но...

— Не будьте таким требовательным, Сам. Вы еще счастливо отделались. А теперь уходите. Как вы прошли сюда?

— Через оранжерею. Трудно было лезть по этой проклятой стене. Не можете ли вы меня выпустить через парадную дверь, мисс?

— Хорошо. Идемте.

Выйдя в переднюю, они заметили какую-то тень в окне.

— Смотрите!—сказала молодая девушка.

Тень шевельнулась. Это была фигура человека в шлеме.

— Полиция!—прошептала она, заслоняя собою вора. Она выбежала в комнату, выходящую на улицу, и осторожно приподняла штору.

— За домом наблюдают, на улице стоит другой полисмен,—сказала она,—вернемтесь в библиотеку.

Они заперли за собой дверь. Вор снова зажег свой фонарь.

— Что теперь делать?—спросила она.

— Дом окружен со всех сторон,—мрачно сказал вор,—должно быть, меня видели, когда я лез по стене.

— Нельзя ли вам спрятаться?—предложила она,—хотите в погреб или на чердак?

— Я попадусь, как крыса в западню.

— Спрячьтесь в моем гардеробе.

— Нет,—ответил он резко,—нужно подумать о другом.

Он сдвинул брови и задумчиво зашагал по комнате. Взгляд его упал на бюро мистера Гарграва. Он быстро остановился, заметив на нем телефонный аппарат.

— Пожалуйста, дайте абонементную книжку. Нельзя терять ни минуты.

Она протянула ему книгу, глядя на него с возрастающим изумлением. Он быстро пробежал несколько страниц.

— Нашел!—сказал он, снимая трубку,—пожалуйста, 35-36. Алло! Полицейский пост?... Говорит мистер Гарграв, Берклей-сквер, 58. Ко мне забрался грабитель... В моей библиотеке... Собирается взламывать кассу... Что?... Превосходно... Но я попрошу вас послать кого-нибудь к инспектору и передать ему, чтобы он постучал в стекло парадной двери; я сейчас же открою... Не теряйте ни минуты.. Благодарю вас.

Он повесил трубку и улыбнулся.

— Готово!—сказал он,—если бы открыл дверь без этого предупреждения, я прямо попал бы в объятия полисмена. А теперь они примут меня за мистера Гарграва.

Девушка одобрительно кивнула головой.

— Какой вы ловкий человек, Сам! И как хорошо вы говорили с ними. Никто не принял бы вас за вора.

— Когда-то я играл в любительской труппе, мисс, и мне давали роли важных господ,—ответил он,—а теперь пора убираться.

Он снял свое легкое пальтишко, повесил его на спинку стула, а черную маску положил на видном месте на столе. Открытый фонарь он поставил на пол так, чтобы лучи его проходили под дверь.

— Спрячьте вашу шпагу, мисс,—сказал он,—нельзя оставлять много следов. Теперь я пойду в переднюю и буду ждать. А вам лучше всего подняться к себе.

— До свиданья, Сам,— сказала мисс Гарграв,—какая бурная ночь! Надеюсь, вам удастся выпутаться. Помните же: в среду, в три часа, в Кенсингтонском саду...

— Я не забуду, мисс,—ответил вор. Он смотрел ей вслед, пока она поднималась по лестнице, потом запер дверь в библиотеку, спрятал ключ в карман и вышел в переднюю.

Минуту спустя, за дверью послышались голоса, и кто-то постучал в стекло. Он отодвинул задвижку и открыл дверь.

В комнату вошел инспектор в сопровождении трех полисменов.

— Мисс Гарграв, если не ошибаюсь?— сказал он, снимая шляпу.

— Вы пришли как раз во-время.— шепнул вор,—он заперся в библиотеке и взламывает несгораемую кассу. Пусть двое из вас зайдут с задней стороны дома и стерегут под окном. Я останусь в передней, чтобы схватить его, когда он выйдет.

У двери библиотеки они поставили полицейского агента, а остальных двух провел к оранжерее и указал им на разбитое окно, через которое, очевидно, пролез грабитель.

— Я принесу сейчас палку,—шепнул вор полисмену, стоявшему у двери библиотеки.

Он вышел в переднюю и больше не возвращался.

Взломали дверь библиотеки, и ин-

спектор убедился, что его пережитрили. Удовлетворение мисс Гарграв сменилось негодованием, когда она узнала о пропавшей табакерке.

Однако на следующий день, к величайшему удивлению мистера Гаргрова, табакерка Наполеона была возвращена, а мисс Гарграв получила пакет с десятью соверенами.

На внутренней стороне конверта неуклюжим почерком было написано одно только слово: «Помни», а внизу стояло огромное «С».

В следующую среду какой-то молодой человек в безукоризненном костюме и блестящем цилиндре гулял по Кенсингтонскому парку. Подойдя к скамейке, на которой сидела молодая дама, он остановился.

— Мисс Гарграв, если не ошибаюсь?—сказал он, снимая шляпу.

Она взглянула на него, и румянец смущения покрыл ее лицо.

— Как!.. Но ведь это же...—с трудом выговорила она.

— Сам, мисс,—сказал молодой человек, усаживаясь рядом с ней,—я пришел поговорить с вами по поводу этого свидания.

Он вынул из кармана письмо и подал ей. Сильно волнуясь, она распечатала конверт и прочла:

«Сударыня! Имею честь уведомить вас, что вы принимаетесь в члены нашего клуба, при условии, если вам удастся овладеть серьгами Марии-Антуанетты, находящимися в настоящий момент у генерала Бинглей. Податель этого письма даст вам более точные указания. «Секретарь клуба».

— Что это значит?—воскликнула она с величайшим изумлением,—какой клуб?

— Клуб грабителей!—сказал молодой человек торжественным тоном,—все мы—холостяки и спортсмены, пресытившиеся приключениями на суше и на море. Мы основали этот клуб в погоне за сильными ощущениями. Каждый, желающий попасть в члены клуба, должен пройти через испытание: он обязан похитить какую-нибудь вещь по указанию нашего президента

— Но кто же вы?—спросила она.

— Эдуард Норван. Мы встретились с вами однажды на балу у Иллингвортов. На следующий же день я ушел со своим полком в Южную Африку и вернулся оттуда только в этом году.

Мисс Гарграв покраснела еще сильнее.

— Я, кажется, помню этот бал, — сказала она.

Наступило молчание.

— Вы прощаете мне? — спросил он, наконец.

— Я... я право не знаю. Мне кажется, вы ни в чем не виноваты, лорд Норван.

Он взглянул на нее.

— В ту ночь вы мне сказали, что я напоминаю вам кого-то. Кто он? Румянец вспыхнул еще ярче на ее щеках.

— Может быть, вы забудете его для меня? — прошептал Норван.

Веселый огонек появился в ее глазах.

— Я ничего не обещаю, Сам, — сказала она, — но я попытаюсь. Может быть, я вам отвечу после моего первого грабежа.

И она положила в свою сумочку письмо, врученное ей «вором».

Эдгар Уоллес.

III. Человек, ненавидевший земляных червей.

I.

— «Нам сообщают о смерти мистера Фальмута, бывшего начальника следственного отделения Скотланд-Ярда. Им был произведен в свое время арест Джорджа Манфреда, главаря шайки «Четверых справедливых». Побег Манфреда вызвал немало толков в заинтересованных кругах.

«Организация, известная под именем «Четверо Справедливых», поставила себе целью наказывать преступников в тех случаях, когда правосудие оказывается несостоятельным. Есть основания предполагать, что члены ее—очень богатые люди, посвятившие свою жизнь и имущество этой сумасбродной и преступной идее. Очевидно, шайка прекратила свою деятельность, ибо уже в течение нескольких лет она не дает о себе знать».

Прочтя эту заметку, Манфред отложил в сторону газету, а Леон Гонзалес нахмурился.

— Слово «шайка» внушает мне непреодолимое отвращение,—сказал он. Манфред спокойно улынулся.

— Бедный Фальмут!—заметил он.

— Он был славный парень.

— Да, я любил Фальмута,—согласился Гонзалес:—Он был вполне нормальным человеком, за исключением легкого прогенизма.

Манфред расхохотался.

—Простите меня, дорогой мой, но я никак не могу уловить вашу мысль, когда вы начинаете углубляться в эту специальную отрасль знания,—сказал он:—Что такое прогенизм?

— В науке так называется выдающаяся челюсть,—объяснил Гонзалес:

—Однако, например в Пьемонте, где так часто встречается брахицефалический череп, это явление очень обычно. Брахицефалики почти всегда имеют выдающуюся челюсть.

— Все-таки он был славным человеком,—повторил Манфред. —И у него были прекрасно развиты зубы мудрости—добавил он потихоньку, а Гонзалес сильно покраснел: с некоторых пор он не выносил упоминания о зубах.

Они сидели на зеленой лужайке, откуда открывался вид на взморье. Жаркий день склонялся к вечеру; солнце уже зашло.

Манфред взглянул на часы.

— Мы должны переодеться к обеду? спросил он:—Или ваш друг-профессор предпочитает нравы богемы?

— Вряд-ли,—сказал Леон:—Он принадлежит к новой школе. Меня интересует ваша встреча, Джордж; у него необыкновенные руки.

Манфред счел более благоразумным не просить объяснения.

— Мы вместе играли в гольф,—продолжал Гонзалес:—и кое-что оставило мое внимание. Так, например, каждый раз, когда он замечал земляного червя, он накидывался на него и убивал с совершенно непонятной мне яростью. Подобные предрассудки не должны иметь место в уме ученого. Он очень богатый человек. В клубе мне говорили, что его дядя завещал ему сколо миллиона, а имение его тетки или еще какого-то родственника, умершего в прошлом году, оценивается в ту же сумму. А он был единственным наследником. Разумеется, он считается завидной добычей. Я еще не имел случая убедиться, придерживается ли и мисс

Моленекс того же мнения,—прибавил он, помолчав немного.

— Боже мой, Леон!—воскликнул Манфред, в ужасе вскакивая со стула:—Неужели и она придет к обеду?

— Не только она, но и ее мамаша,—сказал хладнокровно Леон:—Мамаша брала уроки испанского языка и неизменно приветствует меня одной и той же фразой: «habla usted Espanol?»

Оба друга сняли на всю весну виллу у берега моря. «Сеньор Фуэнтес» чувствовал потребность в отдыхе после напряженной умственной работы и решил на время уехать из города.

II.

Манфред сидел в гостиной, когда издали донесся шум автомобиля, осторожно спускавшегося с холма. Он встал и подошел к открытому окну. Леон Гонзалес присоединился к нему раньше чем тяжелая машина остановилась у подъезда.

Первым вышел высокий худощавый человек, и Джордж сосредоточил на нем свое внимание. У него было довольно приятное лицо, но глубокие глазные впадины и морщины делали его старше своих лет. Он приветствовал Гонзалеса с легким оттенком покровительства в голосе.

— Надеюсь, мы не заставили вас ждать? Меня немного задержали мои эксперименты. Сегодня все не ладилось у меня в лаборатории. Вы знакомы? Это мисс Моленекс и мистрис Моленекс.

Здороваясь с девушкой, Манфред пристально вглядывался в ее лицо. С губ ее не сходила улыбка, странно дисгармонирующая с большими, печальными глазами. Манфред смутно почувствовал в ней что-то натянутое и неестественное. Леон точнее определил свое ощущение: девушка несомненно кого-то боялась. Но кого? недоумевал он. Неужели эту полную приветливую женщину или этого безбидного джентельмена в пенсне.

Пока дамы снимали пальто в передней, Манфред и Гонзалес провели доктора Виглоу в гостиную. Им не

нужно было занимать своего гостя—он говорил громко и безостановочно.

— Ваш друг прекрасно играет в гольф,—сказал он Манфреду, указывая на Леона:—Среди иностранцев редко встретишь такого хорошего партнера. Вы тоже испанец?

Манфред утвердительно кивнул головой. Доктор и не подозревал, что его собеседник чистокровный англичанин, но в Англии Манфред выдавал себя за испанца и даже запаса испанским паспортом.

— Итак, ваши изыскания привели вас к блестящим результатам, доктор,—сказал Леон; глаза доктора Виглоу вспыхнули.

— Да,—ответил он радостно, и быстро добавил:—Но кто сказал вам об этом?

— Вы сами, сегодня утром в клубе. Доктор нахмурился.

— Неужели?—пробормотал он и провел рукой по лбу:—Не могу вспомнить... Когда это было?

— Сегодня утром,—повторил Леон:—Вероятно, вы думали в ту минуту о более важных вещах.

Молодой профессор задумчиво покусывал губу.

— Я не должен был забыть об этом разговоре,—сказал он, заметно расстроенный.

На Манфреда он произвел такое впечатление, как будто одна половина его мозга судорожно боролась с другой. Внезапно он расхохотался.

— Вы говорите—блестящие результаты!—воскликнул он:—Да, конечно, и я не сомневаюсь, что через несколько месяцев я буду пользоваться заслуженной славой даже в своем отечестве. Но вы не можете себе представить, какие огромные суммы мне приходится расходовать. Подумайте—одним машинисткам я плачу около шестидесяти фунтов в неделю.

Манфред с удивлением взглянул на него.

— Машинисткам? — переспросил он:—Вы готовите книгу?

— Вот и дамы,—сказал доктор Виглоу.

Его манера резко обрывать разговор доходила до невежливости. Позд-

нее, в столовой Манфред снова имел случай убедиться в непонятной грубости молодого ученого. Обед подходил к концу. Доктор Виглоу, сидевший рядом с мисс Моленекс, неожиданно повернулся к молодой девушке и громко сказал:

— Вы не поцеловали меня сегодня, Маргарита.

Девушка смутилась и вспыхнула. Руки ее сильно дрожали, когда она, запинаясь, сказала:

— Я не помню, Феликс...

Гонзалес не спускал глаз с доктора, лицо которого побагровело от бешенства.

— Вот это мне нравится!—закричал он:—Я женюсь на вас, я написал завещание на ваше имя, я выдаю вашей матери ежегодную пенсию в тысячу фунтов, а вы не пожелали поцеловать меня сегодня!

— Доктор,—раздался мягкий, но настойчивый голос Гонзалеса:—Не сможете ли вы мне сказать, какое химическое соединение выражается формулой $C_2 O_5$?

Доктор Виглоу медленно повернул голову и взглянул на Леона. Постепенно странное выражение исчезло с его лица, и оно снова стало нормальным.

— $C_2 O_5$ —окись хлора,—сказал он своим обычным голосом, и разговор перешел на другую тему.

Из всех присутствовавших за столом только мистрис Моленекс не была смущена вспышкой Виглоу. Толстая дама сидела рядом с Манфредом и в продолжение всего обеда не проронила ни слова. Она тихонько засмеялась, услышав намек на свою пенсию, а когда разговор снова сделался общим, она, понизив голос, обратилась к Манфреду:

— Наш милый Феликс такой эксцентричный,—сказала она:—Но он хороший человек, добрая душа. Мать должна заботиться о счастье своей единственной дочери, неправда ли сеньор?

Последний вопрос она задала на очень плохом испанском языке. Манфред утвердительно кивнул головой и бросил взгляд в сторону молодой

девушки; она сидела, смертельно бледная.

— И я глубоко убеждена, что она будет счастлива,—продолжала мистрис Моленекс,—гораздо счастливее, чем если бы она вышла замуж за эту невозможную личность.

Она так и не объяснила, кто была эта «невозможная личность», но Манфред понял, что за ее словами скрывается целая трагедия. Он не был романтиком, но один взгляд на молодую девушку подсказал ему, что с ее обещанием не все обстоит благополучно. И только теперь он пришел к тому выводу, который Леон сделал еще час тому назад:—волнение девушки было вызвано страхом. И он хорошо знал, кого она боится.

Полчаса спустя, когда автомобиль доктора Виглоу скрылся за поворотом дороги, оба друга вернулись в гостиную.

— Ну-с, что вы скажете?—спросил Гонзалес, потирая руки.

— Скажу, что это ужасно,—ответил Манфред, садясь в кресло:—Я думал, что те времена, когда матери насильно выдавали своих дочерей замуж давно отошли в область преданий. Мне столько приходилось слышать о современных девушках...

— Человеческая природа всегда одинакова,—перебил Гонзалес:—в большинстве случаев матери поступают безумно, если дело касается их дочерей. Я знаю, вы со мной не согласитесь, но я опираюсь на авторитет Мантегаццы. Он собрал сведения о восьмистах сорока трех семьях...

Манфред расхохотался.

— Оставьте в покое вашего Мантегаццу,—воскликнул он:—Неужели этот ужасный человек знает решительно все на свете?

— Почти все,—сказал Леон:—А что касается девушки,—добавил он, становясь серьезным:—конечно, она не выйдет за него.

— Что с ним такое?—спросил Манфред:—Он совершенно не владеет собой.

— Он—безумный,—ответил Леон спокойно. Манфред с изумлением взглянул на него.

— Безумный? — переспросил он недоверчиво: — что вы хотите этим сказать?

Гонзалес закурил папиросу.

— Я никогда не злоупотребляю этим словом, — сказал он: — Доктор Виглоу несомненно сошел с ума. Несколько дней тому назад у меня были только смутные подозрения; сегодня я имел случай убедиться в его безумии. Одним из важнейших симптомов болезни является ослабление памяти. Люди, стоящие на грани сумасшествия или находящиеся в первой стадии болезни, забывают о том, что случилось несколько часов назад. Вы заметили, Джордж, как он встревожился, когда я напомнил ему о нашем утреннем разговоре?

— Да, я обратил внимание, и очень удивился, — согласился Манфред.

— Он борется с собой, — сказал Леон: — здоровая половина его мозга пытается преодолеть болезнь. Человек ведет борьбу с животным. Он внезапно забывает о том, что произошло несколько часов тому назад, и, как врач, он понимает, что стоит на грани безумия. А пораженная половина его мозга внушает ему, что он — удивительный, необычный человек, непохожий на простых смертных. Мы зайдем к нему завтра, посмотрим его лабораторию и узнаем, за что он платит шестьдесят фунтов в неделю своим машинисткам, — добавил он: — А теперь, дорогой мой Джордж, идите спать, а я почитаю на ночь великого Ломброзо.

III.

Лаборатория доктора Виглоу занимало большой красный дом в Дартмуре. Рядом виднелось строение, напоминающие бараки, где доктор разместил свой штат, состоящий из ассистентов, помощников и прислуги.

— Забавно! — сказал Манфред, когда они ехали в автомобиле по болотистой местности с визитом к доктору Виглоу: — Два или три года я не встречался ни с одним профессором, а в лаборатории я не бывал по крайней мере лет пять. А за последние несколь-

ко недель я видел двух профессоров; один из них, правда, умер; и я еду осматривать вторую лабораторию.

Леон кивнул головой.

— Когда-нибудь я займусь вопросом о совпадениях — сказал он.

Подъехав к лаборатории, они увидели у главного входа почтовую карету. Три ассистента в белых халатах выносили из дома мешки с письмами и пакетами.

— Однако! — воскликнул Манфред с изумлением: — у него недурная корреспонденция!

Доктор стоял в дверях в своем длинном белом халате и наблюдал за отправкой корреспонденции.

— Идемте в мой рабочий кабинет — сказал он, дружески здороваясь со своими гостями. Он провел их в большую светлую комнату, где была устроена его лаборатория.

— У вас колоссальная корреспонденция — заметил Леон.

Доктор спокойно улыбнулся.

— Я отправляю эти пакеты в почтовую контору — сказал он: — они будут разосланы по местам, когда.. на минуту замаялся: — когда я буду окончательно уверен... Вы знаете — продолжал он с глубокой серьезностью: — ученый должен быть крайне осторожен. Сделав великое открытие, ученый не имеет ни минуты покоя. Его мучит опасение, что он забыл о какой-нибудь важной детали, допустил ошибку в вычислениях, поторопился с выводом. Но я думаю, что я прав, — прибавил он вполголоса: — Я уверен, что я прав, но я хочу еще раз убедиться...

Он показал им свой кабинет, но Манфред нашел в нем мало нового после лаборатории покойного профессора Тэблмена. Виглоу, любезно, даже радушно встретивший своих гостей, через несколько минут нахмурился и замолчал, вяло и неохотно отвечая на вопросы Леона, заинтересовавшегося некоторыми инструментами.

Выйдя из лаборатории, они перешли в соседнюю комнату. Там настроение Виглоу снова изменилось; он почти развеселился.

— Я скажу вам!—воскликнул он внезапно:—я не могу больше молчать. Ни один человек не подозревает, какие великие перемены несет с собой мое открытие.

Счастливая улыбка осветила его лицо, глаза блестели, он даже казался

земом, взятым из сада. В черноземе извивался небольшой красноватый червяк, старающийся зарыться в землю.

— Проклятый! Проклятый!—Голос доктора походил на рычание; лицо его исказилось от ярости:—Как я ненавижу их!

Проклятый! Проклятый! Как я ненавижу их!

выше ростом в эту минуту душевного подъема. С живостью поднявшись со стула, он достал из ящика большое фарфоровое блюдо и полсжил его на стол. Из стеного шкафа он вынул два жестяных ящика и с нескрывае-мым отвращением высыпал содержи-мое их на блюдо. Повидимому ящик был наполнен обыкновенным черно-

Неподдельный ужас и ненависть светились в глазах доктора Феликса Виглоу.

Манфред подавил готовое вырвать-ся восклицание и отступил назад, не спуская глаз с безумного. Внезапно доктор успокоился и наклонился к Леону:

— Когда я был ребенком,—сказал

он дрожащим голосом,—я ненавидел земляных червей. У нас была нянька, ее звали Мартой, отвратительная, злая женщина. Однажды она опустила мне за воротник червяка. Можете себе представить, какой это был ужас!

Леон молчал. Он смотрел на земляного червя с точки зрения ученого, относил его к классу щетинконогих и давал ему претенциозное название *Lumbricus terrestris*.

— У меня есть своя теория,—продолжал доктор, совершенно успокоившись и вытирая пот со лба:—различные виды животных поочередно занимают первенствующее место на земном шаре. Через какой-нибудь миллион лет человек не будет превышать размерами муравья—всем известно, что человеческая природа мельчает, а земляной червь, благодаря его уму, хитрости и способности приспособляться, займет первое место в животном царстве.—Он остановился и вопросительно взглянул на своих слушателей. Леон и Манфред упорно молчали—по их мнению земляной червь не отличался особым умом и был совершенно лишен желания выдвинуться.

— Я думал об этом днем и ночью,—сказал Виглоу:—Я посвятил свою жизнь уничтожению этой страшной угрозы человеческому роду.

Он снова подошел к шкафу, достал с полки бутылку с широким горлышком, наполненную сероватым порошком, и показал ее Леону.

— Вот результат двенадцатилетней работы,—сказал он:—нетрудно было найти вещество, убивающее этих животных, но я сделал гораздо больше.

Он взял скальпель и, встряхнув бутылку, достал из нее несколько крупинок порошка. Растворив их в воде, он размешал бесцветную жидкость стеклянной палочкой и уронил три капли на чернозем. Прошла секунда; земля в том месте, где спряталась несчастная жертва, слегка приподнялась.

— Он мертв!—с торжеством воскликнул доктор, разгребая землю,

чтобы доказать справедливость своих слов:—Но этого мало: горсть земли, куда упали капли, смертельна для всех червей, какие когда-либо коснутся ее.

Он позвонил, и в комнату вошел один из его помощников.

— Уберите это,—сказал он с содроганием, укаывая на блюдо, и мрачно отошел к столу.

На обратном пути Леон не проронил ни одного слова. Он сидел, забывшись в угол автомобиля, опустив голову, со скрещенными руками. Вечером он вышел из дому, отклонив предложение Манфреда пойти с ним и не давая никаких объяснений по поводу своей необычной прогулки.

В девять часов вечера Гонзалес подходил к дому доктора Виглоу. Доктор занимал огромный дом и содержал целый штат прислуги, но на ночь он перебирался в маленький коттедж, где раньше жил садовник.

Старый дом, перешедший к нему от отца, казался ему недостаточно надежным убежищем. Последнее время он перестал спать по ночам. Ему чудились чьи-то заглушенные голоса, осторожные шаги, скрип досок; какие-то тени скользили по темным коридорам. В своем безумии он мучился мыслью, что слуги составили заговор против него и хотят умертвить его ночью в постели. Тогда он выселил садовника из коттеджа, отремонтировал заново домик и проводил в нем ночи без сна, над книгами. Гонзалес слышал об этой странности. Осторожно подошел он к коттеджу, зная, что испуганный человек часто бывает опаснее какого-нибудь злодея. Он постучал в дверь. Послышались чьи-то шаги.

— Кто-там?—раздался голос доктора Виглоу.

— Это—я,—сказал Гонзалес, называя свое имя.

После минутного колебания доктор повернул ключ и открыл дверь.

— Входите, входите,—сказал он, впуская Гонзалеса и запирая за ним дверь:—Я знаю—вы пришли меня поздравить. Друг мой, я приглашаю вас на свою свадьбу. Это будет ве-

ликое торжество; я скажу речь, я изложу всю историю моего открытия. Садитесь. Хотите вина? Здесь у меня ничего нет. Нам принесут из дома. Телефон находится в моей спальне.

Леон отрицательно покачал головой.

— Я пытался выяснить себе ваш план, доктор,—начал он, закуривая папиросу:—Мне кажется, что эти огромные мешки, которые вы отправили сегодня на почту, имеют какое-то отношение к вашему открытию.

Узенькие глазки доктора Виглоу радостно вспыхнули. Он откинулся на спинку стула и вытянул ноги, как человек, приготовляющийся к приятному разговору.

— Я скажу вам,—начал он:—течение нескольких месяцев я веду переписку с фермерами здесь и на континенте. Вы должны знать, что мое имя известно во всей Европе,—добавил он с той поразительной нескромностью, которую Леон и раньше имел случай наблюдать в нем:—Пользуясь моим способом уничтожения филлоксеры, удастся спасти виноградники от этого бича легче, чем с помощью какого бы то ни было другого средства.

Леон кивнул головой. Он знал, что доктор говорит правду.

— Как видите, мое слово имеет вес среди лиц, занимающихся агри-

культурой. Мне приходилось беседовать с нашими глупыми фермерами, все они восставали против уничтожения земляных червей;—произнеся это ненавистное слово, Виглоу содрогнулся:—Следовательно, мне приходится прибегнуть к хитрости. Теперь, когда я окончательно убедился в совершенстве своего препарата, мне остается только дать знать в почтовую контору. Все пакеты запечатаны и адресованы. Когда вы постучали ко мне, я как раз собирался дать распоряжение по телефону о немедленной рассылке пакетов.

— Кому они адресованы?—спросил Леон.

— Фермерам. Четырнадцать тысячам фермеров Англии и Европы. В каждый пакет вложены инструкции на английском, французском, немецком и испанском языках. Фермерам я говорю, что это новый способ удобрения, иначе боюсь, что они отнесутся с должным энтузиазмом к моему открытию.

— Что они будут делать, когда получат эти пакеты?

— Они растворят порошок в воде и польют этим раствором известный

слой земли—я подразумеваю—вспаханной земли. Этот участок может быть очень невелик; я не сомневаюсь, что проклятые животные быстро распространят заразу. Я думаю,—он наклонился вперед и понизил голос:—Я думаю, что через шесть месяцев не останется ни одного живого червя в Европе и в Азии.

— Они не знают, что этот яд пред-

— Дорогой мой,—сказал он:—Вы не должны этого делать.

Доктор Виглоу попытался освободить руку.

— Пустите меня,—крикнул он в бешенстве:—Неужели и вы принадлежите к числу тех негодяев, которые задались целью меня мучить?

При обычных обстоятельствах Лесн свободно мог справиться с одним человеком, но в этот момент силы Виглоу удесятились, и он отшвырнул своего противника обратно на стул. Прежде чем Лесн успел вскочить на ноги, доктор выбежал из комнаты, захлопнул за собой дверь и запер ее на ключ.

назначается для уничтожения земляных червей?
—спросил Леон.

— Нет, конечно,—ответил тот:— Подождите, я хочу позвонить по телефону в почтовую контору.

Он быстро вскочил со стула, но Леон удержал его за руку.

Рука его лежала на аппарате, когда Леон выстрелил.

Коттэдж состоял из двух комнат, разделенных деревянной перегородкой. Над дверью находилось окошечко. Леон придвинул стол к двери, влез на него и выдавил локтем стекло.

— Не прикасайтесь к телефону!— крикнул он повелительно:— Слышите?..

Доктор оглянулся. Безумная улыбка скривила его лицо.

— Вы—друг тех негодяев,—сказал он. Рука его лежала на аппарате, когда Леон выстрелил.

IV.

Вернувшись на следующее утро с прогулки; Манфред нашел Гонзалеса, разгуливающим по лужайке, с необычайно длинной сигарой в зубах.

— Дорогой мой Леон,—сказал Манфред, беря под руку своего друга:— Вы ничего не сказали мне...—

— Я считал нужным выждать,—ответил Леон.

— Я узнал совершенно случайно,—продолжал Манфред:— Говорят о том, что какой-то грабитель проник в коттедж и застрелил доктора, как раз в тот момент, когда он хотел вызвать по телефону полицию. Из соседней комнаты исчезло все серебро. Кроме того украдены часы доктора и его бумажник.

— Они покоятся сейчас на дне моря,—сказал Леон:— Сегодня утром,

когда вы еще спали, я отправился на рыбную ловлю.

Несколько минут они, молча, ходили по поляне. Наконец Манфред спросил:

— Было ли это необходимо?

— Да,—ответил серьезно Леон:— Вы не должны забывать, что хотя этот человек и был сумасшедшим, но ему удалось найти не только яд, но и способ распространять заразу.

— Но, дорогой мой,—улыбнулся Манфред:— Стоит ли этого земляной червь?

— Да,—сказал с убеждением Леон. Каждому ученому известно, что если земляной червь будет уничтожен, земля станет бесплодной и через несколько лет люди начнут умирать с голоду.

Манфред остановился и с изумлением взглянул на него.

— Вы действительно уверены в этом?

— Земляной червь делает землю плодородной,—сказал Леон:— Он разрыхляет почву и покрывает землей голые скалы. Это—верный друг человека. А теперь я пойду в почтовую контору и попытаюсь получить пакеты с ядом.

Манфред на минуту задумался.— Я рад,—воскликнул он наконец:— Я рад за девушку, она понравилась мне. И я уверен, что при ближайшем рассмотрении эта «невозможная личность» окажется не столь ужасной.

Рассказ Мак-Неила („Сапер“).

Нас собралось несколько человек в уютной курительной комнате полковника. Дамы уже разошлись, пожелав нам доброй ночи, но мы не были расположены последовать их примеру.

Наша маленькая компания впервые после окончания школы собралась вместе, а от школьной скамьи нас отделяло немало лет.

Мы перебрасывались отдельными фразами, связанными с воспоминаниями юности, когда кто-то из нас припомнил свою тетку, поскользнувшуюся на апельсиновой корке. Неизвестно почему этот эпизод вызывает смех еще со времен допотопного человека, все мы рассмеялись, а полковник с задумчивой улыбкой сказал:—Вы напомнили мне одну историю...

Мы забросали его вопросами, и после недолгого сопротивления он сдался.

— Прежде всего я должен предупредить вас, друзья мои,—начал полковник,—что мой рассказ не имеет никакого отношения к войне. Все мы слышали немало сказок о войне, и я не желаю придумывать новой. Моя история касается мирной военной жизни, и кончается вполне благополучно, в чем я убедился всего два дня назад, за обедом в отеле Ритц. Правда, благоприятное окончание куплено ценою жизни одного из главных участников, но... в жизни это неизменное правило.

В то время я был командиром эскадрона. Наш полк стоял в Мерчестере, славном местечке, где любители охоты и спорта могли недурно провести несколько месяцев.

От Лондона нас отделял всего час езды по железной дороге, по соседству обитало немало гостеприимных людей, и после скитаний за границей Мерчестер пришелся нам по вкусу.

Только одно обстоятельство доставляло нам много хлопот. С возвращением на родину солдаты плохо подчинялись дисциплине. Не забудьте, что наш полк провел около десяти лет в Индии, Египте и Южной Африке, и запах родной земли вскружил голову всем. То и дело наблюдались своевольные отлучки, и офицеры принимали все меры, чтобы уладить недоразумения.

Помню, однажды я обсуждал этот вопрос со старшим сержантом моего эскадрона.

— У нас все в порядке, сэр,—сказал он.—Много молодежи, но годика через два, через три они станут образцовыми солдатами. Особенно Тревор.

— Вот как!—сказал я, глядя ему прямо в лицо.—Вы считаете Тревора хорошим человеком?

— Первым во всем эскадроне, сэр,—ответил он спокойно, выдержав мой взгляд.

— Раньше вы были не так уверены, —напомнил я.

— Признаться, я ему завидовал, сэр. Он перешел из другого полка через головы многих. Теперь мы прожили вместе три месяца, и я лучше узнал его, согласиться с вами.

— Хотел бы я сказать с толку, этот сержант врет.

Старший сержант улыбнулся.

— Неужели, сэр? Никогда бы я этого не подумал. Кажется, Киплинг писал о таких, как Тревор.

— Киплинг вообще немало написал об армии,—улыбнулся я в ответ. А как вы думаете, Тревор—его настоящее имя?

— Право, не знаю, сэр.

В эту минуту тот, о ком мы говорили, прошел мимо и отдал честь.

— Сержант Тревор!—окликнул его я. Он тотчас же подошел. Правду сказать, я не знал, о чем заговорить с ним, но этот человек интересовал меня с каждым днем все сильнее и сильнее. Наконец я завел разговор о крикете, которым увлекались все солдаты полка.

— Вы, кажется, прекрасно играете в крикет?—сказал я.

— Мне приходилось много играть, сэр,—ответил он, и легкая улыбка пробежала по его лицу.

— Отлично. Нам хочется привлечь всех солдат к игре...

Несколько минут я поговорил с ними о делах эскадрона, все время внимательно изучая бесстрастное лицо Тревора. Кажется, он заметил это: два или три раза усмешка скривила его губы, но глаза оставались серьезными и усталыми. У него были темно-синие глаза, и когда я шел через плац, я все время видел их перед собою, хотя я и не молоденькая девушка, восхищающаяся глазами мужчины. Наш разговор не разъяснил ничего; этот человек оставался для меня загадкой.

Несколько дней спустя я ужинал в офицерской столовой. За нашим столом сидел капитан Блентон, из другого эскадрона, страстный любитель крикета.—Бедняга погиб на войне...—Разговор вертелся вокруг крикета, но я не принимал в нем участия. Я мало понимаю в этой игре и вряд ли сумею отличить, каким концом лопатки надо подбрасывать мяч.

—У «бульдога» заведется игрок,—донесся до меня через стол голос Блентона. Должен вам сказать, что я отзываюсь на это прозвище по некоторым основаниям, о которых нет надобности упоминать здесь.—

Я говорю о сержанте Треворе из вашего эскадрона, старина,—повернулся он ко мне.—Я видел его сегодня вечером у сетки.

— Хорошо играет?—спросил я.

— Дорогой мой, лучшего игрока не было в полку уже много лет.

— Кто это?—спросил командир полка, прислушавшись к разговору.

— Сержант Тревор в эскадроне А, полковник. Я видел, как он играет.

Я подошел к нему и положил ему руку на плечо.

Ни один солдат не сравняется с ним.

— Вы говорили с Тревором?—с любопытством спросил я.

— Да. Он показался мне на редкость несообщительным. Я спросил его, где он выучился крикету. Он замаялся и отвечал, что часто играл в деревне до поступления в армию. Больше я ничего не мог из него вытянуть; почему он не играл с нами в Джобурге, «бульдог»?

— Очень просто: он поступил в полк всего два-три месяца тому назад.

— Хотел бы я иметь побольше парней из его деревни,—заметил Блентон.—С ними у нас дело пошло бы на лад.

После ужина я поймал Филипа Блентона в передней.

— Ваше мнение о Треворе, Филип?—спросил я просто.

Он остановился и задумчиво откусил конец своей сигары.

— Мнение о Треворе, как об игроке в крикет,—сказал он,—или просто, как о человеке?

— И то, и другое,—ответил я.

— Видите ли, я глубоко убежден, что он выучился играть в первоклассной школе... Что он за человек? Я обменялся с ним всего несколькими фразами, но мне кажется, что его место здесь, в офицерском клубе, а не в солдатских бараках. Вы знаете его историю?

— Нет,—ответил я, покачив головой.—Понятия не имею. Но мое впечатление сходно с вашим.

Так прошло несколько месяцев, а я ни на шаг не приблизился к разгадке. Часто приходилось мне говорить с Тревором, и всякий раз я пытался вырвать у него признание, которое осветило бы его прошлое. Но он был осторожен, как лисица, и замкнут, как утрица. Не знаю, зачем я вмешался в это дело; в конце концов, оно меня не касалось, но странный парень сильно заинтересовал меня. Он казался мне джентльменом до мозга костей, и я ничем не мог объяснить его присутствия в казармах.

И вот, в один прекрасный день, когда я уже потерял надежду, тайна осветилась сама собой. Утром Филип Блентон позвонил мне по телефону; он уехал на пару дней в имение по соседству, где должны были состояться крикетные матчи. Не могу ли я прислать к первому матчу сержанта Тревора? Лучший крикетист их партии, Картер, в последний момент не явился; он должен был приехать с поездом из Оксфорда, откладывать невозможно, и, если я не выручу, им грозит поражение.

Я послал за Тревором и спросил его, не согласится ли он принять участие в матче. На секунду глаза его вспыхнули; потом он покачал головой.

— Нет, благодарю вас, сэр,—сказал он спокойно.

— Вы подведете капитана Блентона, Тревор,—заметил я.—Он так надеялся на вас.

Я затронул чувствительную струну, но мне хотелось во что бы то ни стало сломить его упорство; я сам собирался поехать на этот матч, и мне нужно было увидеть Тревора в новой обстановке. С минуту поколебавшись, он согласился и вышел из канцелярии. Я последовал за ним. В передней висело старое разбитое зеркало. Открыв дверь, которую он захлопнул за собой, я увидел сержанта Тревора, внимательно изучающего в зеркале свое лицо. Одной рукой он прикрыл усы и, казался, о чем-то размышлял. Услышав мои шаги, он обернулся, и с минутой мы молча смотрели друг на друга. Командир эскадрона и сержант исчезли; остались только двое мужчин. В передней не было ни души. Повинуясь бессознательному импульсу, я подошел к нему и положил руку ему на плечо:

— Слушайте, друг мой,—сказал я,—почему вы боитесь, что вас узнают?

— У меня есть основания продолжать то, что я начал, майор,—ответил он спокойно. Ничего позорного я не скрываю.

Послышались чьи-то шаги. Тревор вздрогнул, отдал честь и вышел.

Думаю, все эти события были заранее predeterminedены, — задумчиво продолжал полковник:—Циники объясняют все слепым случаем, игрой судьбы, но мне эти слова не освещают загадки. Какой-то ребенок ел апельсин на улице Оксфорда и бросил корку на мостовой. Если бы Картер, известный крикетист, не поскользнулся на этой корке и не свихнул себе ноги, события, о которых я расскажу вам, не имели бы места. Но лучше я не буду углубляться в корень вещей. Слушайте дальше.

Около трех часов дня я приехал в Кросби-Холл с товарищами из полка. Игра была в разгаре. Филип Блентон встретил меня с сияющим лицом.

— Спасибо, что вы отпустили его, старина!—воскликнул он. — Теперь наша возьмет!

— Сначала он не хотел итти, Филип,—сказал я. —Мне кажется, он боялся, что его узнают.

Взрыв аплодисментов приветствовал удачный ход Тревоора. Несколько минут мы молча, следили за игрой. Сержант Тревор оказался выдающимся игроком, и старый лорд Эптон, наш хозяин, был вне себя от восторга. Я, улыбаясь, выслушивал его комплименты и купался в отраженных лучах славы Тревоора. В эту минуту за ограду вошел какой-то мужчина в обществе очаровательной дамы. Вглядевшись, я узнал одного из своих старых друзей.

— Веверлей! Это вы, старина?—бросился я к нему. —Как живете?

— Боже мой, Бульдог!—крикнул он, сдвинув мне руку. —Как я рад вас видеть! Позвольте вас представить моей жене; Дорис, это—майор Чильгэм, по прозвищу «Бульдог».

Молодая женщина, улыбаясь, протянула мне руку. Веверлей был лет на пятнадцать старше меня, и вышел в отставку капитаном. В былые дни я знал его близко. Женится он года четыре тому назад, и теперь, впервые увидев его жену, я вспомнил все, что мне писали о его браке. Она была гораздо моложе его, он годился ей в отцы; все пророчили несчастье, утверждая, что она не стоит такого

человека, как Гильбэрт Веверлей. Она была обручена с кем-то другим, но порвала со своим женихом, чтобы стать женой Гиля. Глядя на них обоих, я понял, что пророчество, по обыкновению, не сбылось: собачья преданность светилась в глазах Гиля, когда он смотрел на свою жену.

Она сидела вся бледная, с широко раскрытыми глазами.

Я придвинул плетеные кресла, и он усадил ее с такой заботливостью, как будто она была тяжело больной. Его услуги она принимала с очаровательной улыбкой, и, когда он отошел с лордом Эптоном, оставив меня с ней вдвоем, она все еще улыбалась.

— Вы хорошо знаете Гиля?—спросила она меня.

— О, да!—воскликнул я. —И те-

перь, вернувшись на родину, я надеюсь также хорошо узнать и его жену.

— Как это мило с вашей стороны, Бульдог!—Она повернулась и посмотрела на меня. Клянусь Юпитером! В эту минуту она показалась мне замечательно хорошенькой.

— Если вы хоть немного похожи на Гиля, я буду вас очень любить.

Эти милые слова сразу сблизили нас, и в течение следующих десяти минут я не много внимания уделял крикету. Мистрис Веверлей рассказала мне, что ее сынишка, Гиль младший,—баловень и любимец отца, и в настоящий момент этот молодой джентльмен трех лет воспыпал любовью к четырехлетней дочке генерала и без всякого стеснения ухаживает за ней. Узнал я от нее, что Гиль и она приехали погостить к генералу на пару недель.

В эту минуту наш разговор прервался новым взрывом аплодисментов: повидимому, партия Тревора одержала верх.

— Выдающийся игрок,—сказал я, следя за ним глазами.—Сам-то я не много понимаю в крикете, но знатоки говорили мне...—Тут я взглянул на нее и сразу замолчал: она сидела вся бледная, с широко раскрытыми глазами, а пальцы судорожно сжимали ручку зонтика.

— Майор Чильгэм,—сказала она, и голос ее дрожал, как натянутая струна.—Кто этот человек, который только что прошел мимо?

— Его имя—Тревор, — спокойно ответил я.—Один из сержантов моего эскадрона.—Я с любопытством взглянул на нее; кровь снова прилила к ее щекам.

— Вам показалось, что вы его знаете?

— Он напомнил мне одного человека... я встречала его много лет назад,—сказала она, откидываясь на спинку кресла.—Но, конечно, я ошиблась...

И она резко перевела разговор, но время от времени поглядывала в сторону соседней палатки, куда вошел сержант. Я чувствовал, что дело серьезное. Она тщетно пыталась по-

давить волнение,—а причиной его был Тревор или человек, называвший себя Тревором. Я с любопытством наблюдал за ней, и развязка не заставила себя ждать.

Все участники матча собрались под навесом, где был подан чай; все, за исключением Тревора, скрывшегося в палатке. Я видел, как лорд Эптон взял его под руку и буквально вытащил к нам. Тревор показался мне очень красивым парнем в своей синей форменной куртке, с лицом, разгоряченным игрой. Я перевел глаза на жену Гиля Веверлей. Она пристально смотрела через мою голову на приближающихся мужчин, потом медленно опустила зонтик.

— Значит, вы всетаки не ошиблись, мистрис Веверлей,—споксйно сказал я.

— Нет, Бульдог, я не ошиблась,—ответила она.—Пожалуйста, разыщите Гиля и скажите ему, что я хочу вернуться. Мне нездоровится...

Я вскочил и бросился разыскивать ее супруга. Он разговаривал с капитаном Лауренсом и сержантом Тревором. Гиль показался мне очень возбужденным, а Тревор слушал его с легкой улыбкой.

— Он совершенно прав, сержант Тревор,—сказал Лауренс, когда я подошел к ним.—Я советую вам обдумать его предложение.

— Бульдог!—крикнул Веверлей, заметив меня.—Он в вашем эскадроне, неправда ли? Уже столько лет прошло с тех пор, как я вышел в отставку, что все правила дисциплины вылетели из моей головы, и сейчас я подбиваю сержанта Тревора бросить военную службу и сделаться профессиональным крикетистом. Бимбо Лауренс согласен со мной.

— Гиль, если бы будете так горячиться, на вас лопнет жилет,—предупредил я.—А кроме того мистрис Веверлей хочет вернуться домой.

Я искося взглянул на Тревора, и последнее сомнение исчезло. Он сильно вздрогнул и отошел в дальний угол чайной палатки, а Гиль, ничего не замечая, поспешил к жене. Но тактике Тревора помешал старик

Эптон. Пятиминутный перерыв казался ему бесконечно длинным, и он снова повел свою команду в поле. Выход из палатки был только один, и здесь они встретились—мистрис Веверлей и Тревор. По странной иронии судьбы Гиль способствовал этой встрече; бедняга совершенно потерял голову, раз дело зашло о крикете, и не видел того, что происходило перед самым его носом.

Заметив Тревора, он бросился к нему и схватил его за руку.

— Не забудьте моего совета, Тревор, — воскликнул он. — Я думаю серьезно поговорить о вас с майором Чильгэмом.

Вряд ли Тревор слышал хотя бы одно слово. Через плечо Гиля он смотрел на его жену, а она смотрела на него. Мне показалось, что она задыхается, а губы ее дрожат. Потом Тревор круто повернулся и вышел в поле, Гиль подошел к своей жене, а я отправился разыскивать виски.

Полковник замолчал и закурил новую сигару.

— Гиль действительно горячо взялся за дело, — продолжал полковник после небольшой паузы. Два или три дня спустя я завтракал у генерала, и разговор все время вертелся вокруг Тревора.

— Редкий игрок, — говорил Гиль. Это не только мое мнение. Капитан Лауренс, лучший знаток крикета в Англии, вполне согласен со мной...

И так далее, без конца. А за другим концом стола, рядом со мною сидела жена Гиля. Два или три раза она с мольбой взглянула на меня, как будто хотела сказать. Ради бо-

га, останови его! — но это было свыше моих сил. Я сделал две-три неудачных попытки перевести разговор, но наконец счел лучшим замолчать. Осталось только ждать конца завтрака.

Между тем Гиль, исчерпав тему о крикете, перешел к характеристике человека.

Из казарм выбежал какой-то сержант, бросился к лошади и повис на оглобле.

— Вы ничего не знаете о нем, Бульдог? — спросил он. — Там, у Эптона, он держал себя, как джентльмен. А какой красивый мужчина! Удивляюсь, почему он записался в армию...

— Ради бога, Гиль, — воскликнула вдруг его жена. — Поговори о чем-нибудь другом! С самого начала завтрака я только и слышу, что о сержанте Треворе.

Бедняга Гиль с изумлением взглянул на нее; она отвечала ему улыбкой и смягчила резкость своих слов. Но я видел, что последние силы оставляют ее; в точности я, разумеется, не знал, в чем дело, но не трудно было догадаться о причинах ее волнения.

В конце завтрака она наклонилась ко мне и шепнула.—Боже мой, Бульдог... Я не могу больше...

— Скажите, в чем дело?.. Я бы хотел помочь вам.

— Может быть когда-нибудь я вам скажу,—тихо проговорила она:—Но никто не может мне помочь. Я сама во всем виновата, и теперь важно только одно: Гиль не должен узнать никогда...

Не знаю, почему она доверилась мне. Вероятно, женским чутьем она поняла, что многое я угадал без слов, и бессознательно она искала сочувствия и помощи. Повидимому, встреча была неожиданной для обоих, и я проклинал себя за то, что заставил его играть. Но кто же мог предвидеть?.. Это была непрерывная цепь, а начало положила проклятая апельсиновая корка. Она права: важно только, чтобы бедняга Гиль ни о чем не узнал.

Так предполагает человек, но сила,двигающая событиями, часто руководствуется другими мыслями. Когда я собрался уходить, в комнату вбежали няньки с перепуганными детьми на руках; они бормотали что-то несвязанное; за ними появился грум генерала с царапиной через все лицо. От него мы и узнали о случившемся.

Детей повезли кататься, лошадь чего-то испугалась и понесла. Обычно грум без труда справлялся с нею и, вероятно, и на этот раз сумел бы ее сдержать, но дорога пересекалась железно-дорожным полотном, и шлагбаум был опущен. В эту минуту из казарм выбежал какой-то сержант, бросился к лошади и повис на оглобле. Шлагбаум выдержал напор, дети отделались испугом, а сержанта унесли на носилках. Он был без сознания.

— Как его имя?—спросил я, заранее зная ответ.

— Сержант Тревор, сэр,—сказал грум, из эскадрона А.

— Он получил серьезные повреждения?—спросила жена Гиля. Лицо ее покрылось каким-то сероватым налетом.

— Не знаю, сударыня... Его унесли в госпиталь, а я возился с лошадью.

— Если вы разрешите, я переговорю по телефону, генерал,—сказал я, а тот кивнул головой.

Я вызвал врача нашего госпиталя, Пурвиса. Голос его звучал серьезно. Тревора принесли в бессознательном состоянии; в настоящую минуту нельзя сказать ничего определенного, но, кажется, поврежден спинной хребет. Более тщательный осмотр можно произвести, когда Тревор придет в себя. Я повесил трубку и обернулся: подле меня стояла мистрис Веверлей. Она молча ждала, когда я заговорю.

— Пурвис еще ничего не знает, дорогая моя,—сказал я, сжимая ее руки.—Он боится, что поврежден спинной хребет.

Я ждал слез, истерики, но она не шелохнулась и только не спускала с меня глаз.

— Я должна идти к нему,—сказала она наконец.—Устройте это как-нибудь для меня...

— Но он все еще без сознания,—сказал я.

— Я должна быть подле него, когда он придет в себя,—ответила она спокойно.

— Я отвезу вас в моем автомобиле,—проговорил я, видя, что ничто не заставит ее изменить своего решения.—Предоставьте это дело мне.

Она остановилась в дверях, сжимая в руке носовой платок.

— Я должна остаться с ним вдвоем, Бульдог. Мне нужно знать, что он простил меня.

— Я сделаю все, что от меня зависит,—ответил я.

Хорошенько не помню, как мне удалось увезти ее без ведома Гиля. Гиль младший не получил ни единого

ушиба и был склонен рассматривать это происшествие, как новое развлечение, придуманное специально для него. Убедившись, что он цел и невредим, она осыпала его поцелуями, к величайшему его неудовольствию, и уехала со мной.

— Вы не должны отчаиваться, если вам не удастся остаться с ним наедине,—предупредил я ее дорогой. Боюсь, что его положили в общей палате.

— Пусть они поставят ширму и отгородят кровать,—шепнула она. Я должна поцеловать его, прежде чем... прежде чем...—Она не окончила фразы.

Мы оба молчали, пока вдвали не показались ворота госпиталя. И тогда я задал ей вопрос, который все время вертелся у меня на языке.

— Кто же он в действительности?

— Его зовут Джимми Даллас,—ответила она просто.—Мы были обречены. А потом его отец потерял все состояние. И Джимми подумал, что из-за этого я вдруг изменила свое отношение к нему. Но, Бульдог, клянусь вам, это не было причиной! Мне показалось, что он увлекся другой девушкой; но я ошибалась... Слишком поздно поняла я свою ошибку. Джимми исчез; я вышла замуж за Гиля. На этом матче я встретила его в первый раз после свадьбы.

Мы остановились у дверей госпиталя, и я вышел из автомобиля. На душе у меня было тяжело. Маденькое недоразумение разрослось в несправимую трагедию. Мужчина и женщина, оба слишком гордые, чтобы искать или давать объяснение, жестоко поплатились за свою ошибку.

Она осталась ждать в автомобиле, а я отправился разыскивать Пурвиса. Я нашел его у кровати Тревора; бедняга все еще был без сознания. Доктор поднял голову, когда я на цыпочках вошел в комнату, и предостерегающе приложил палец к губам. Я вышел в коридор и ждал. Через минуту он присоединился ко мне...

— Еще ничего не могу определить,—сказал он.—Он сильно пострадал; левая рука сломана в двух

местах... три ребра. Боюсь, что и спина... Но я не уверен. Меня пугает это оцепенение.

— Мистрис Веверлей здесь,—сказал я.—Мать ребенка, которого он спас. Она хочет его видеть...

— Никким образом,—перебил Пурвис.—Я категорически запрещаю.

— Но вы не имеете права запретить мне, доктор!

Мы обернулись: она стояла в дверях коридора.

— Я должна его видеть. И не только потому, что он спас моего ребенка.

— Придется отложить ваше посещение, мистрис Веверлей,—ответил доктор.—В настоящую минуту я мог бы пустить к нему только его жену.

— Если бы я не потеряла рассудка, я была бы сейчас его женой,—решительно сказала она, проходя в палату мимо остоленевшего Пурвиса.

— Вот так история, чорт возьми! — пробормотал он, и я не мог не улыбнуться.

Мы прохаживались взад и вперед по коридору, и доктор, как истинный джентльмен, не задавал мне вопросов.

— Если спина его сломана, ему уже ничто не повредит,—задумчиво проговорил он. А если—нет, пожалуй, это может принести пользу.

Мы оба замолчали. Вдруг к ужасу моему я увидел Гиля, входившего в госпиталь.

— Боже мой!—воскликнул я. Это ее муж! Он не знает, что она здесь...

И я бросился ему наперерез, но опоздал на несколько секунд. Когда я подбежал к двери, я увидел Гиля, стоявшего у входа в палату. Казалось, он превратился в каменное изваяние. Высокая ширма скрывала от нас кровать, но ширма не заглушает звука. Я замер на месте, увидев лицо Гиля. Из комнаты ясно доносился голос его жены.

— Дорогой, дорогой мой мальчик! Тебя одного я любила всегда...

Думаю, Гиль знал о том, что она была невестой другого, но я уверен—он никогда не связывал с этим другим

Тревожа. Года два спустя она сказала мне, что, выходя замуж, не скрыла от Гиля своего обручения. Она сказала ему, что любила другого... и любит его до сих пор. И Гиль женился на ней, несмотря на это. Но тогда я не знал ничего. Я видел только, что волшебный мир моего бедного друга рухнул и придавил его своей тяжестью.

Гиль первый пришел в себя и твердым голосом сказал.—Ну, Бульдог, где же наш больной?

Еще минуту он помедлил на пороге и только тогда зашел за ширму.

— А, дорогая,—сказал он спокойно, увидев свою жену.—И ты здесь...

Минут десять он, не срываясь, играл свою роль. Потом вышел, и его жена пошла за ним. Спина Тревожа не была сломана, он поправился и через пару месяцев вернулся к своим обязанностям. И один бог знает, сколько времени продолжалось бы

такое положение, если бы Гиль не утонул, удя рыбу в Ирландии.

Иногда мне кажется странным, что Гиль Веверлей, один из лучших пловцов, утонул. Говорят, с ним сделалась судорога в воде. Может быть... Кто знает?

Я видел их—Джимми Далласа и его жену—два дня тому назад в отеле Ритц. Они попрежнему влюблены друг в друга, хотя женаты уже десять лет. Я остановился у их столика.

— Садитесь с нами, Бульдог,—сказала она,—и выпейте ликеру.

Я не отказывался. Когда я собрался уходить, она взглянула на меня задумчиво и тихо сказала. Слава богу! Бедный Гиль не узнал... А если он знает теперь,—он поймет.

Полковник встал и пршелся по комнате.

— Вот какие неожиданные события повлекла за собой апельсиновая корка...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Торговый Сектор.

Москва, Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский, 4.

Петроград, Проспект 25 октября (Невский), 28.

СЕРИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книги, помеченные звездочкой, предназначаются для детей младшего возраста.

Цены в золоте по курсу нотирующей комиссии дня уплаты.

- Алтаев, Ал. и Феличе, А.—Ян из Троцнова. Исторический роман.
Ашукин, Н.—Песенки. Рис. Алякринского, ц. 1 руб.
Бонзельс, В.—Приключение пчелки Майи, ц. 40 коп.
*Венгров, Н.—Зверушки. Стихи. Рис. Н. Альтмана и Ю. Анненкова, ц. 65 коп.
Езерский, В.—Улыбки солнца. Сказки с рис., ц. 20 коп.
*Дмитриева, В. И.—Малыш и Жучка, ц. 16 коп.
Касаткин, И.—Тяпа. Сказка. Рис. П. Алякринского, ц. 30 коп.
Киплинг, Р.—Вот так сказки, ц. 8 коп.
Кроткий, Э.—Шиворот на выворот. Веселые стихи про Васьны грехи. Рис. А. Любимова, ц. 60 коп.
Мамин-Сибиряк, Д. Н.—Рассказы для детей. Сборник I, с 13 рис. в тексте, ц. 60 коп.
Его-же.—Рассказы для детей. Сборник II, с рис.
Манаскина, Н. И.—Своей тропинкой. Рассказы, ц. 1 руб.
*Мексин, Я. П.—Зайка. Сборник для детей младшего возраста. Рис. И. С. Ефимова, ц. 10 к.
Насимович, А.—Малыши. Сборник рассказов и стихотворений. Кн. I, 30 к.
Его-же.—Малыши. Сборник рассказов и стихотворений. Кн. II, ц. 45 коп.
Его-же.—Малыши. Кн. III, ц. 40 коп.
Рагоза, Н.—Похождение Чернушки, ц. 25 коп.
Робертс, Ч.—Дети диких зверей, с рис.
Русские Народные песни.—Сборник составил по этнографич. материалам Я. П. Мексин. Рис. С. В. Малюгина и О. С. Малютиной.
Русские Народные сказки.—Лутощенка. Рис. М. Ивашинцевой, ц. 50 коп.
Свицкий, А. И.—Рыжик. Из жизни бродяги.
Его-же.—Черные люди. Повесть из жизни русских угловиков. Рис. П. Алякринского, ц. 50 к.
Серафимович, Ю.—Юные труженики. Рассказы для юных читателей, с рис. Д. Пичугина. Кн. I, ц. 55 коп.
Его-же.—По земле. Рассказы для юных читателей, с рис. Кн. III, ц. 10 коп.
Семенов, С. Т.—Машка-Домашка, ц. 50 коп.
Его-же.—В деревне. Рассказы для детей, ц. 40 коп.
Его-же.—Из жизни Макарки, ц. 40 коп.
Сент-Илер.—Сказка про сову. Рис. Д. Пичугина, ц. 25 коп.
Сетон-Томпсон.—Лобо. Король Куррумпо, ц. 20 коп.
Его-же.—Король Талакский. Рассказы с рис., ц. 45 коп.
Его-же.—Приключение Рольфа, ц. 1 руб. 20 коп.
Его-же.—Рогач. История горного барана, ц. 18 коп.
Его-же.—Бинго. История моей собаки и др. рассказы с рис., ц. 35 коп.
Его-же.—Тито. Ц. 18 коп.
Его-же.—Нравы и психология диких животных.
Сказки кота Мурлыки с рис.
Станюкович, К.—Морские рассказы, ц. 12 коп.
Сурожский, П.—Ветка польны, рассказы, ц. 65 коп.
Телешов, Н.—Елка Митрича. Из жизни сибирских переселенцев, рис. В. Спасского, ц. 15 коп.
Толмачева, М. Л.—Как Вася жил один в Петрограде, рассказ для детей, ц. 20 к.
Толстой, А.—Повесть о многих интересных вещах.
Шмелев, И.—Служители правды. Повесть, изд. 3-е, ц. 30 коп.

РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ ТОРГСЕКТОРА

Москва

1. Советская пл., под гостин. „Дрезден“. Тел. 1-8-94.
2. Моховая ул., под гостин. „Националь“. Тел. 1-31-50.
3. Ул. Герцена (Б. Никитская), 13. Здание Консерватории. Тел. 2-64-95.
4. Никольская ул., д. 3. Тел. 49-51.
5. Серпуховская пл., 1/43. Тел. 2-84-82.
6. Кузнецкий Мост, 12. Тел. 1-01-35.

Петроград

1. Проспект 25 октября (Невский), 28.
2. Ул. Володарского (Литейный), 21.
3. Проспект 25 октября (Невский), 13.
4. Проспект 25 октября (Невский), 64.

Очередной номер „Бюллетеня Торгсектора Госиздата“ высылается по получении 25 коп. золотом почтовыми марками.

Государственное Об'единение Предприятий
ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„МОСПОЛИГРАФ“

имеет в своем составе все отрасли полиграфического производства:

Типографии

Хромолитографии

Переплетно-
брошюровочные

фото-цинкографии

Меццо-тинто

Гальванопластика

Словолитня

Штемпельно-

граверная фабрика

Облаточная фабрика

Отдел обойного производства

фабрика конторских книг

Отдел писчебумажных
и канцелярских принадлеж.

ИСПОЛНЯЕТ ВСЕ В ОБЛАСТИ
ПЕЧАТНОЙ ТЕХНИКИ.

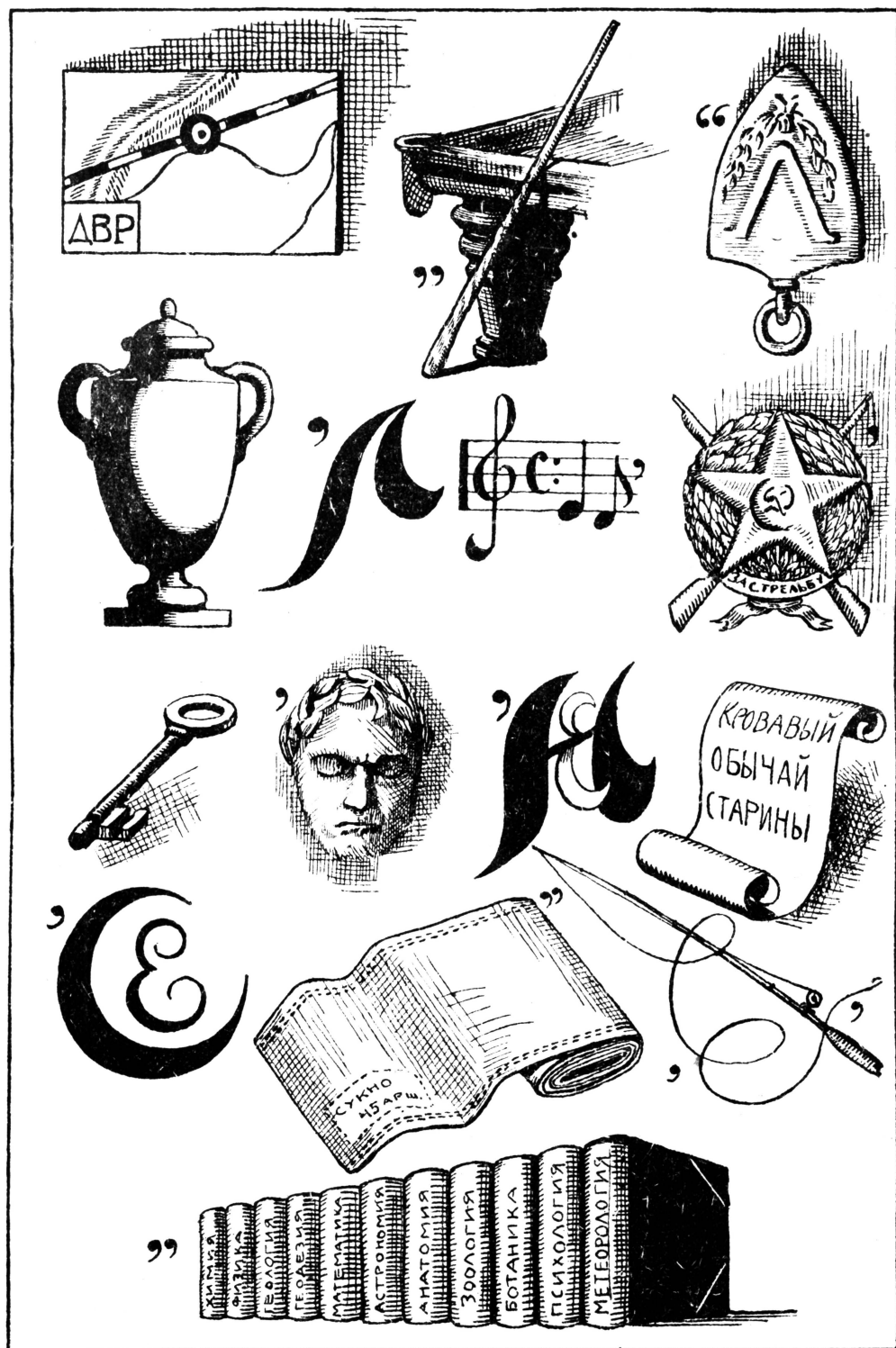
Адрес Правл. «МОСПОЛИГРАФ»: Пименовская, 16.

Тел.: 19-21, 1-38 25, 1-38-41.

Коммерческого Отдела «МОСПОЛИГРАФ»: Тверская, 48.

Тел.: 46-34, 1-74-85.

Ребус

Фамилии решивших будут напечатаны.

Решение этого ребуса в № 6 «Мир Приключений».